

A 24 5
13

Е. Клетнова.

A 24 5
13

ОТЗВУКИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

въ преданьяхъ и сказаньяхъ
— Вяземскаго уѣзда. —

Выпускъ I.

Цена 30 коп.

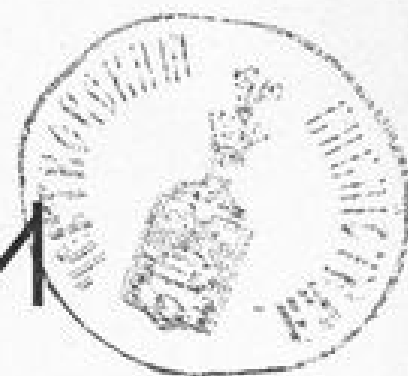

СМОЛЕНСКЪ.
Губернская Типографія.
1911.

Е. Клетнова.

A24 $\frac{3}{13}$

ОТЗВУКИ

ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

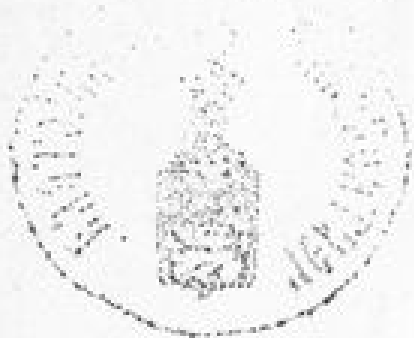
въ преданьяхъ и сказаньяхъ

~~7500~~

Вяземскаго уѣзда.

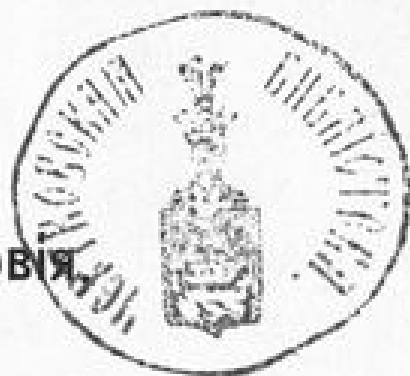
СМОЛЕНСКЪ.
Губернская Типографія.
1911.

Гос. Историч. Научн. Б-ка НК-1 РСФСР
Инвент. № 333845
1962

✓

Вмѣсто предисловія

Близится столѣтняя годовщина великой эпохи отечественной войны, отъ вершинъ до самыхъ корней, ютящихся въ глубинѣ родной матери—земли, всколыхнувшая все русское общество, заставившая его проявить величайшій подъемъ духа, совершить по истину богатырскіе самоотверженные подвиги.

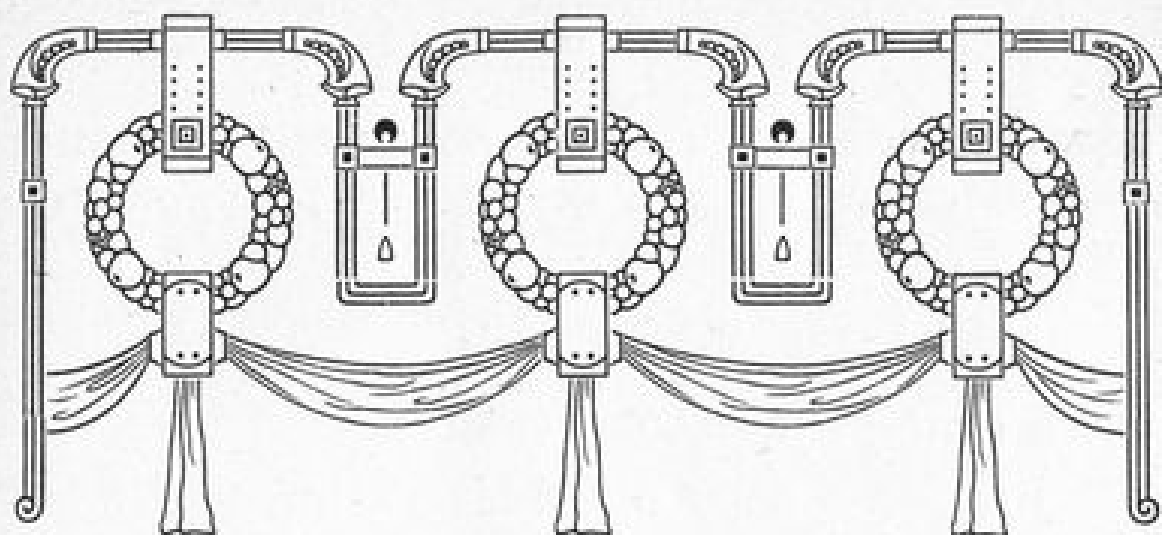
Отдѣленные отъ насъ толщей протекшихъ десятилѣтій, иными интересами, иными событіями, опять оживаютъ туманные и дорогіе образы прошлаго и какъ-бы облакаются плотью и кровью, давая возможность, многое въ тѣ годы позабытое, всѣ ничтожные, но теперь для насъ столь цѣнныя мелочи, занести на скрижали исторіи, именно сейчасъ, когда живы, если не очевидцы, то непосредственные наслышники минувшаго.

Помимо неприложныхъ историческихъ фактовъ, документовъ и мемуаровъ, весьма цѣннымъ матеріаломъ въ данномъ случаѣ, являются тѣ преданія и сказанія, которыя сохранились намъ отъ той

эпохи, а частью сложились впоследствии творческимъ гениемъ самаго народа не оставивъ намъ даже имени безвѣстнаго творца своего...

Собрать по возможности всѣ такія сказанія всюду, гдѣ только удалось ихъ слышать, было цѣлью моихъ лѣтнихъ скитаній, пока только по Вяземскому уѣзду, и то еще по небольшой его части.

Е. Клетнова.

I.

Т ѣ н и б ы л о г о .

„Минувшее проходитъ предо мною“.

Пушкинъ.

Въ 1909 году можно сказать не было лѣта: дожди смѣнялись холодами, холода — вѣтрами... Солнышко выглядывало рѣдко, да и то какое-то мглистое, желтое и бездушное; особенно на закатѣ оно только свѣтило, какъ бы совсѣмъ не излучая тепла.

Работы сельскія производились урывками, крадучись отъ непогоды. Въ началѣ августа завернули сентябрьскіе холода, по небу заходили бѣло-свинцовыя, тяжелыя тучи... Такая погода удручаетъ умъ, подавляетъ бодрость. Неудачны и вялы становятся всякіе археологическіе и этнографическіе походы. Родная наша Смоленская глина обращается въ нѣчто липкое и тягучее, и

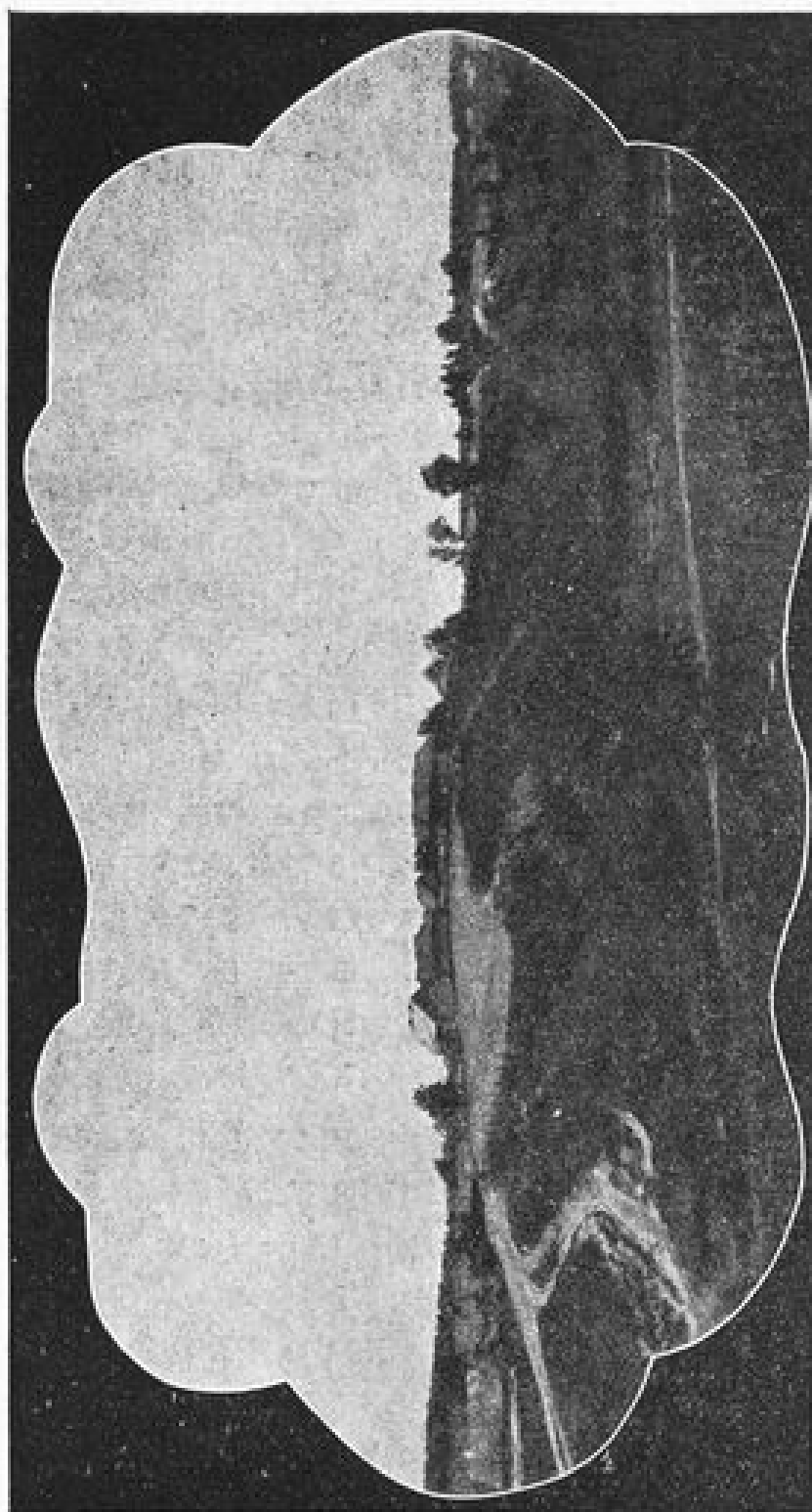
ходить по ней, да еще въ тяжелыхъ болотныхъ сапогахъ (а въ иныхъ невозможно) не представляетъ рѣшительно никакого удовольствія.

Тона кругомъ сѣры и тусклы: нѣтъ солнышка; нѣтъ яркой свѣтотѣни; нельзя дѣлать удачныхъ фотографическихъ снимковъ.

Въ такую пору о поѣздкахъ въ даль и думать нечего. Но все же тянетъ пройтись, хотя неподалеку, что-либо разслѣдовать, снять, зарисовать, записать сказанье дней минувшихъ, обычай мѣстный иль примѣту; отыскать интересную, а иногда и поразительно-красивую окаменѣлость, сохранившую точнѣйшія подробности строенія какого-нибудь листа или животного давно-исчезнувшей породы... Все это мельчайшія бисеринки, тончайшія нити, но изъ этихъ нитей и бисеринокъ ткеть геній исторіи свой пестротканый, затѣйливый коверъ...

Послѣ непрерывнаго многодневнаго ненастья погода нѣсколько прояснилась. Вѣтеръ разогналъ сизые туманы, но гдѣ-то далеко у самаго горизонта залегли они, неподвижные и мрачные, сгустившись въ свинцовыя тучи — залегли, точно высокіе горные хребты.

Забравъ фотографическій аппаратъ и неизмѣненнаго во всѣхъ моихъ странствованіяхъ спутника, велемудраго пса „Кадо“, отправилась я въ ближайшую деревню Иваново.

Деревня Иваново и французская могила.

Люблю я вообще ходить къ этой деревнѣ. Неохватная ширь открывается оттуда.

Оттѣняя тонѣ синевы, на югъ идутъ лѣсныя дали. Верстъ за двадцать къ востоку чуть примѣтно на блѣдныхъ небесахъ блестятъ кресты церквей. То городъ Вязьма, многолюдный, многошумный, съ тремя желѣзными путями, огромною торговлей и множествомъ историческихъ примѣчательностей, почти никѣмъ не изслѣдованныхъ. Но городъ привлекателенъ лишь издали, такъ какъ внутри онъ некультуренъ, искони грязенъ, преисполненъ непріятѣйшихъ запаховъ и своеобразныхъ фیزیомій своихъ коренныхъ насельниковъ — повидимому плохо ассимилировавшейся со славянами какой то особой помеси племени литовскаго (Голяди) и финскаго (Мерянъ).

Пройдя ручей и вспаханныя нивы, достигли мы высокаго обрыва, надъ которымъ раскинулась деревня. Точно мысъ, вдается онъ въ широкую, глубокую долину, на днѣ которой малой змѣйкой журчитъ рѣчушка Сорогоща въ своихъ крутыхъ, неровныхъ берегахъ.

До низу будетъ сажень двадцать крутого спуска. Мѣстами онъ покрытъ кустарникомъ и лѣсомъ лиственныхъ породъ, среди которыхъ острыми чалмами встаютъ мохнатая вершины елей. Внизу же лѣсъ смѣняется лугами, зелеными и сочными, благодаря дождямъ. По нимъ лѣниво бродитъ стадо, а ближе поразбредся спутанный табунъ.

Все тихо. Лишь изрѣдка доносится пофыркиванье кѣней, а изъ деревни тявканье какой-то

собаченки. Четвероногий спутникъ мой и раздражается и негодуетъ, но всёжъ меня онъ не рѣшается оставить, чтобы предпринять самостоятельный походъ для выясненія личности негодной собаченки.

Съ того берега по крутой желтѣющей дорогѣ спускаются возы. Передній уже перебрался вбродъ черезъ рѣчушку и медленно поползъ на гору вверхъ къ деревнѣ. Лошадка едва тащится, ежеминутно дѣлая стоянки.

Толпа мелкихъ ребятишекъ въ однѣхъ длинныхъ бѣлыхъ рубахахъ, болтая рукавами, подбѣжала къ оградѣ у обрыва, но, заслышавъ рычанье „Кадо“, еще быстрѣе умчалась обратно на деревню.

Давно уже приглянулся мнѣ на днѣ долины высокій курганчикъ надъ самой рѣкой, съ красивой группой деревьевъ, характерно и рѣзко выдѣляющихся среди остальныхъ своей темной зеленью. Осматривая ихъ однажды вблизи, я увидѣла, что это ильмы — порода, вообще рѣдкая въ нашей мѣстности и встрѣчающаяся только на полянахъ стародавнихъ лѣсныхъ площадей.

Археологическая чутье подсказывало мнѣ, что здѣсь дѣло что-то не совсѣмъ обычно, и, дѣйствительно, по наведеннымъ справкамъ, оказалось, что холмикъ этотъ называется „французской могилой“. Но подробности можно было узнать только отъ старого деревенскаго пастуха, повстрѣчать котораго и вызвать на разговоръ было моимъ завѣтнымъ, однако, не слишкомъ удобоисполнимымъ желаніемъ, ибо Калинычъ былъ

человѣкъ довольно своеобразный: то угрюмъ и молчаливъ, а то краснорѣчивъ необычайно.

Уже нѣсколько разъ приходила я сюда къ деревенскому табуну, питая тайную надежду застать его въ желанномъ настроеніи, но это все не удавалось. Какъ видно, и на него погода дѣйствовала скверно.

Налюбовавшись вдоволь чуднымъ видомъ, рѣшилась я спуститься внизъ непосредственно къ табуну, предусмотрительно сдѣлавъ внушеніе моему спутнику, что бросаться на чужихъ лошадей въ чужомъ мѣстѣ, съ лаемъ и визгомъ совершенно не подобаетъ разумному псу.

Съ большимъ неудовольствіемъ и непрестанно ворча себѣ подъ носъ, поплелся онъ позади меня.

Мы перебрались черезъ рѣчку, гдѣ Кадоша съ наслажденіемъ напился и выкупался. Это онъ дѣлалъ положительно въ каждой лужѣ, какъ бы холодна ни была погода. Мнѣ же удалось найти нѣсколько интересныхъ окаменѣлостей, послѣ чего мы направились къ „французской могилѣ“.

Вдругъ Кадо . насторожился, натопорщилъ свою коричневою шерсть и готовъ былъ кинуться. Я едва успѣла схватить его за ухо (ошейника онъ вообще не долюбивалъ) и замахнуться на него носовымъ платкомъ— жестъ, отъ котораго онъ моментально валился на спину, растопыривась свои короткія, толстыя и кривыя лапы (по породѣ онъ крупная германская такса) и дѣлалъ преуморительную виноватую рожицу.

Но каково было мое радостное удивленіе, когда предметомъ его озлобленія оказался именно этотъ самый, искомый мною, Калинычъ, мирно сидѣвшій подъ сенью илемъ и чистившій вымоченныя лыки, изъ которыхъ онъ плелъ котомку или кошель, какъ у насъ называютъ.

— Здравствуй, Калинычъ!

— Здравствуйте, здравствуйте, — закивалъ онъ головой какъ-то по-бабьи снизу вверхъ, тогда какъ свѣтлые, загадочные глаза его глядѣли поверху, устремленные въ невѣдомою даль.

— А собачка не укуситъ?.. Пёсинька. . Пёсинька... — обратился онъ, задабривая Кадошу...

Но тотъ былъ сегодня настроенъ миролюбово и предпочелъ заняться своими, ему одному вѣдомыми изысканіями по сосѣднимъ кустамъ.

Хотѣлось вызвать старика на разговоръ, — но какъ это сдѣлать?

Я усѣлась подлѣ него, и впервые пришлось мнѣ разсмотрѣть Калиныча вблизи.

Трудно было опредѣлить его возрастъ, такъ какъ въ густой свѣлорусой шапкѣ волосъ и въ небольшой курчавящейся бородкѣ не было ни малѣйшей сѣдины, а зубы поражали своею сохранностью и бѣлизной. Черты лица, правильныя и тонкія, являли рѣдкой чистоты бѣлорусскій типъ и въ рѣчи его слышалось характерное „цоканье“.

Самъ онъ родомъ былъ изъ Духовщинскаго уѣзда, но много лѣтъ тому назадъ пошелъ „въ заработокъ“, да такъ и прижился въ деревенскихъ пастухахъ.

Первые годы онъ еще уходилъ на родину, но потомъ, какъ „безродный“, навсегда остался здѣсь.

Несмотря на студеную погоду, онъ былъ безъ шапки, босой и одѣтъ въ одну бѣлую холщевую рубаху и такіе же порты, заплатанные по колѣнамъ красными кумачевыми заплатами. Жилистая и сухая фигура его обличала силу и несокрушимое здоровье.

Ловко подцѣпляя крючковатою желѣзкой „кочетыга“ свое плетенье, запускалъ онъ въ него подчищенный конецъ лычка, закрѣпляя, такимъ образомъ, и обравнивая край кошеля по деревянной, продолговатой болванкѣ.

Онъ, видимо, весь былъ погруженъ въ свою работу.

— Калинычъ! Вѣдь, это, говорятъ, могила?

— Могила, матушка, могила, точно, — отвѣгилъ онъ и замолчалъ.

— Французская могила, говорятъ?

— Да, оно точно—что французская, — и опять ни звука.

Что тутъ было дѣлать?

— А на что это тебѣ, матушка, знать-то надобно? — внезапно обратился онъ, какъ-то сразу измѣняя тонъ, а въ безстрастныхъ дотолѣ глазахъ его замелькали лукавые огоньки.

— Вотъ видишь ли ты, — старалась я понятнымъ для него образомъ пояснить свое любопытство: я о всѣхъ старыхъ могилахъ, о всякихъ мѣстахъ да урочищахъ сказанья записываю, да

снимки съ нихъ на карточки дѣлаю и посылаю разнымъ ученымъ людямъ въ такія мѣста, гдѣ все это собирають. Вотъ то же о французскомъ нашествіи и о французскихъ могилахъ.

— И все ты записываешь?

— Все записываю.

— А послѣ другіе прочіе читать могутъ?

— Ну, конечно, всякій можетъ прочесть, когда напечатано будетъ.

— Во это добрò,—оживился онъ. Что добрò, то добрò. Значить же, тебя Господь до дѣла довелъ, старину гласить. Усякій прочтетъ и усякій помянетъ, кто чего своей жистью заробилъ. Такъ вотъ, значить, теперь я тебѣ усё какъ есть разбалакую, какъ это тутъ дѣло было.

— Вотъ, матушка, ты моя, отъ стариковъ я слыхивалъ: година та лихая была. Ухъ лихая! Усѣ изъ деревень повыѣхали, да въ лѣсахъ хоронились. У „Теплаго Ключа“, въ самой, значить, болотинѣ отъ ханцуза прятались. Кто свое худо бишко съ собой забралъ, а кто и тутъ позарывалъ. Много по здѣшнихъ мѣстахъ добра усякаго зарыто. Ухъ много! Вотъ, къ примѣру сказать, подъ Кочетовомъ вашимъ ровокъ есть, что къ мельницѣ идетъ—Шильонскимъ прозывается...

— Шильонскій? — переспросила я, удивленная такимъ названіемъ, котораго никогда еще не слыхала, хотя всю жизнь провела въ имѣніи.

— Да, матушка, Шильонскій и струбы тамотко есть дубовые.

— Про срубъ—то я слыхивала...

— Не одинъ срубъ-то, а цѣлѣшонькихъ два, да

еще погребъ каменный, а въ погребѣ тамъ икона Божьей Матери Одигитріи скрыта...

Единъ струбъ-то расковыряли, брусъ на доски порѣзали. Изъ доски цѣльная столъница вышла, и по сіе время въ деревнѣ въ Кіевѣ есть, да икона тоже, только не та, что въ погребѣ, не настоящая... Ну, ту добыть усякому никакъ невозможно. Сколько разовъ ходили мужики въ этотъ самый ровокъ — рыть хотѣли. Все, вишь ты, кладовъ по описи искали. А сейчасъ, собаки ваши, откуда не возьмись, по бѣчагу и стануть: только пасти разѣвуютъ, да красные языки треплются...

— Какъ это такъ „наши“ собаки?

— Да оно не настоящія, скажемъ къ слову, собаки, а просто такъ, акурать Кочетовскія: аментально стануть, рыть не даютъ. Такъ и кидали сколько разовъ. — Вѣрное слово. Во, хошь, Кіевскихъ Расказѣнковъ спроси.

Охъ много тутъ дѣловъ было. Много.

Сколько душъ по напрасну загублено...

Вотъ на асadbѣ на вашей банька была. Пошли это, матушка ты моя, ханцѣзы въ нее помыться, а ихъ тамъ и приперли; приперли, да и подпалили съ четырехъ угловъ. Всѣ погорѣли... А ихъ тамъ душъ двадцать было. Да...

Вотъ и эта могилка. Видишь ли... Былъ тутъ въ деревнѣ нашей мужикъ. Панфиломъ его звали. Съ семейства Изотова. Вотъ трапилось ему молотить на гумнѣ рожь, съ бабой. Видитъ идутъ два нѣкихъ человѣка, словно быть ненайскіе. Ну онъ спужался, конечно. Обомлѣлъ, значить.

Могила подъ ильмами.

Подходятъ это ёны... точно — ханцузы, только бродучіе, значить, отсталые, — ледь-ледь тащутся. Голые, босые. А на дворѣ-то морозъ лютѣющій, ажно глаза слѣпляетъ.

И говоритъ одинъ ханцузъ Панфилу: „не

бейте меня, Русь, я буду съ вами жить, на васъ сапоги шить“.

А Панфиль-то его „разъ“ по башкѣ цѣпомъ. Онъ съ ногъ долой... Другой—бѣжагъ, а Панфиль кричать. Созвалъ деревню. Изловили тово другова. Вывели это ихъ, горемычныхъ, сюда къ Сорогощѣ, чѣмъ попало забили, да тутъ и зарыли.

—Такъ вотъ оно, какъ дѣло-то было?

—Не все еще, милая, погоди. доскажу. Рѣчь-то самая впереди. Да!.. Вотъ штобъ ты думала?... Панфиль-то? Затосковалъ съ тѣхъ поръ. Вотъ какъ... Засохъ совсѣмъ такъ и помёръ въ скоромъ времени. И дворъ ево увесь до-тла вымеръ. Увесь какъ есть.

Вотъ оно, значить, Господь-то не гуляетъ, а добро перемѣряетъ, мѣрилами праведными.

Калинычъ опустилъ голову.

—Эхъ, былъ-то была, травой-ковылемъ поросла, да правду въ могилу снесла-- будто про себя бормоталъ онъ.

—Много здѣся могилъ нарыто, много въ нихъ жистей забито. Есть души басурманствія, есть и праведныя христіанствія... И надъ праведными горять усегда въ ночи огни неугасимые, словно лампы теплятся...

Онъ умолкъ.

—А чай и таютка таперь лампы теплятся... надъ могилками-то надъ найскими. Далече на Востокъ на Дальнимъ... „Много и тамъ могилъ позаложено, много въ нихъ силушки родимой положено... Ктой-то о нихъ тамъ споеть да расскажетъ, ктой-то вспоманеть, да мѣсто укажетъ?“.

Э-эхъ! — потрянулъ онъ головой, будто желая избавиться отъ тяжелой гнетущей думы.

— А завтра погода будетъ. Вишь ядряно стало. Вѣтеръ зѳрю вздымаетъ... разшумаркался...

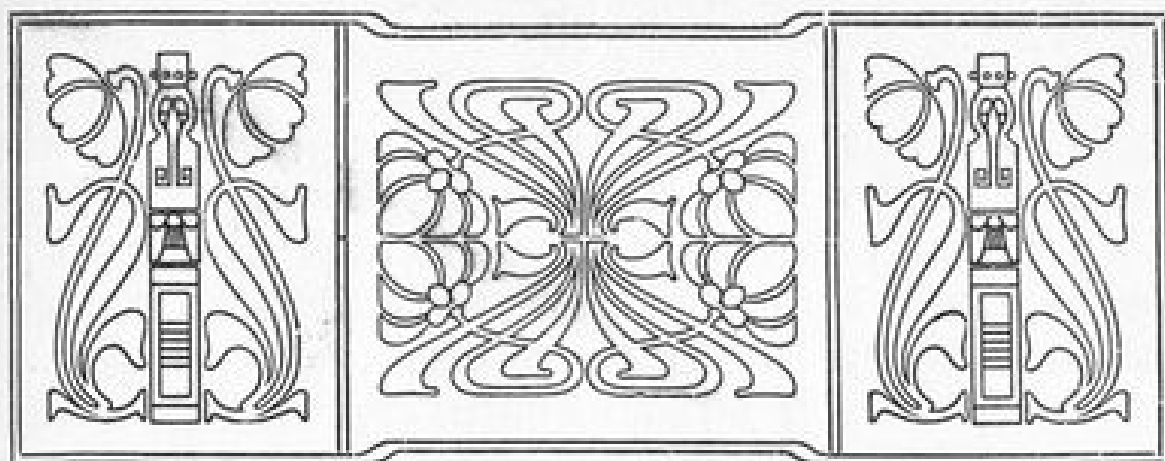
— Дядинька, а дядинька! Кони всѣ въ овесъ зашли! Дядивька! — кричалъ тоненькій голосокъ изъ-за рѣчки.

— Ахъ, въ ротъ те малина! Знать опять Пегасѳвъ меринъ весь табунъ за собой увелъ... Вотъ вѣдь животина, прости Господи! — бормоталъ онъ, быстро засовывая свой неоконченный кошель въ густыя вѣтви старыхъ илемъ и съ юношескою легкостью побѣждалъ по направленію взывавшаго къ нему голоса подпaska.

Я осталась одна.

Надо мною таинственно шелестѣли надмогильныя ильмы... Кто насадилъ ихъ здѣсь? Кто отмѣтилъ ими мѣсто этого вѣчнаго упокоенія?..

Быть можетъ, шелестомъ своимъ хотѣли онѣ повѣдать о томъ, что изъ нѣдръ земныхъ выносятъ имъ съ сокомъ пѣвучимъ ихъ корни, о погибшихъ на далекой чужбинѣ жизняхъ, безславныхъ-безымянныхъ..

II.

Убережь Вязьмы рѣки.

„Край мой край, родимый край“!

Гр. А. Толстой.

Былъ одинъ изъ тѣхъ волшебныхъ лѣтнихъ дней, когда Юльское солнце не жжетъ, но ласкающе-нѣжно глядитъ сквозь легкую дымку, которой подернуто небо. Оно манитъ своей загадочной недосыгаемостью и чудится, что вотъ-вотъ проникнешь въ его глубокія тайны, но тутъ легкое, какъ мечта, облачко снова затягиваетъ открывшуюся голубоватую просинь, какъ бы желая напомнить, что не всегда дано намъ проникать въ вѣковѣчныя тайны природы... И все же неустанно, упорно отъ извѣчныхъ временъ, стремится къ нимъ пытливый умъ человѣка.

Такая погода совершенно особенно дѣйствуетъ на всѣ живыя существа: у человѣка вызываетъ въ памяти туманные образы прошлаго и

даже животных располагаетъ къ какой-то лѣнивой мечтательности.

Сытая гнѣдая кобыла „Побѣда“, охотно и рѣзво идущая всегда въ легкихъ бѣговыхъ дрожкахъ, сегодня съ особою размашистою лѣнью выкидываетъ свои крѣпкія ноги, стремясь при первой возможности перейти на шагъ.

Мы минуемъ живописное село Костино, Спасъ-Неразлучное тожъ, съ запущеннымъ въ-ковымъ паркомъ, пустыннымъ барскимъ домомъ и длинной еловой аллеей, по которой идетъ выбитая, никогда въ тѣни не просыхающая, дорога.

Теперь и домъ—старинное гнѣздо разлетѣвшейся во всѣ концы Россіи многочисленной семьи Басовыхъ, унаслѣдованное ими по женской линіи отъ Потуловыхъ еще въ первой половинѣ XIX столѣтія, и роскошный англійскій паркъ, когда-то украшенный бесѣдками и ротондами, „пріютами музъ и грацій“, какъ ихъ именовалъ владѣлецъ—старый морякъ, герой Наваринскаго боя,—все перешло недавно чрезъ руки афериста-скупщика къ крестьянамъ—Витяблянамъ, которые намѣтили въ первую голову начисто вырѣзать этотъ паркъ, спустить озеро и именно на ихъ мѣстѣ построить свои хлѣвушки да хатченки и распахать огороды.

За селомъ—высокое поле, небольшой перелѣсокъ, а за нимъ, какъ водится, наши традиціонные „лядѣ“, т.-е. огромныя земляныя площади съ вырубленнымъ когда-то могучимъ лѣсомъ, отростать которому не даетъ пасомый на немъ скотъ, но съ другой стороны, пасомый въ такомъ ничтожномъ количествѣ, что онъ не въ силахъ пере-

бить заглушающій. всякія добрыя травы ржаво-красный неумолимый мохъ, обращающій у насъ обширныя земельныя угодыя въ сплошную тундру, которую можно характеризовать: ни лѣсъ, ни степь, ни лугъ, ни поле... Только кое-гдѣ еловая заросль осиливаетъ людскую безхозяйственность и посреди ея гонкихъ, широколапистыхъ представителей, спускаемся мы въ „Кубышкинъ оврагъ“, называемый такъ потому, что въ немъ якобы зарыта „кубышка“, наполненная золотомъ, которую, конечно, многіе искали и не нашли даже въ „кладовую“ ночь на Ивана-Купала, когда пышно расцвѣтаетъ „жаръ-цвѣтъ папороть“.

Зато здѣсь въ молодомъ ельничкѣ можно было всегда въ изобиліи набрать крѣпкихъ сизотливчатыхъ рыжиковъ, желтыхъ, скользкихъ груздей и лоснящихся, жирныхъ масленокъ.

А дальше опять шли ляды съ пасущимися на нихъ шаршавыми крестьянскими коровами и вѣчно-блеющими овцами.

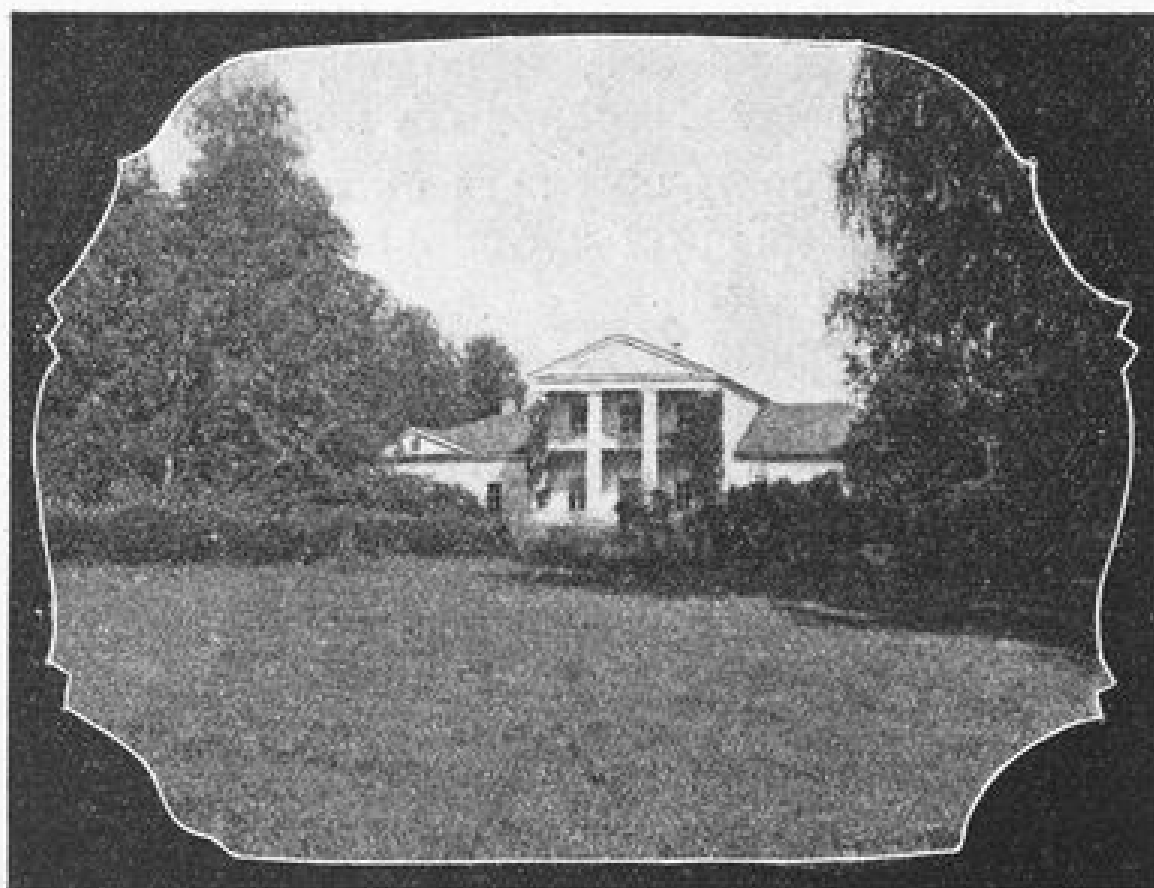
Вотъ „Черный Овражекъ“ съ пересохшей рѣчкой того же имени и неизмѣнно-провалившимся мостомъ, а за нимъ—запущенныя поля запущеннаго стараго помѣстья. Кое-гдѣ по нимъ взодраны полосы, покрытыя тощимъ, низкимъ льномъ, а остальное все сплошь занято красноватымъ шавелькомъ, да цѣпкой „вошь-травой“ — вѣрными показателями до послѣдняго истощенной почвы.

Господи! да сколько же ихъ стало кругомъ этихъ изболтанныхъ полей, порубленныхъ лѣсовъ, забитыхъ ставнями барскихъ домовъ! Прежняя,

широко — размашистая дѣвственная культура уничтожается... Когда же, когда на обломкахъ ея возродится новая?

Вотъ опять пустынная усадьба плыветъ навстрѣчу. Развалившіяся службы, поросшій травой въѣздъ во дворъ, безобразно-отросшая, когда-то стриженная еловая ограда вокругъ парка и огромный каменный домъ съ массивною колоннадой балкона — типичный представитель благороднаго стиля XVIII вѣка.

Сѣдомордый дворовый песъ, очевидно, больше по привычкѣ, выскочилъ со двора и до угла парка проводилъ насъ хриплымъ старческимъ однотоннымъ лаемъ.

Азаровскій домъ.

Дорога загнула подъ прямымъ угломъ, паркъ смѣнился палисадникомъ, отдѣленнымъ отъ проезжей дороги глубокою канавой съ высокимъ землянымъ валомъ. Отъ него къ балкону дома ведетъ прямая, какъ стрѣла, аллѣя стриженныхъ акацій. Еще уцѣлѣла круглая бесѣдка, обвитая хмѣлемъ, да красиво выдѣлялась чуть-краснѣющая зелень дикаго винограда, кружевнымъ покровомъ обвивавшая толстѣйшія бѣлыя колонны.

Но окна всѣ плотно закрыты, терраса пуста не слышно обычныхъ звуковъ рояля... А давно ли ключомъ была здѣсь жизнь?

Владѣльцы этого небольшого, но красиваго имѣнія — бароны Клебекъ были всѣ прекрасные музыканты, и родственники и гости, прїѣзжавшіе къ нимъ лѣтомъ, тоже подбирались все народъ преимущественно музыкальный. Въ тѣ годы огромный барскій домъ, и старый паркъ, и палисадникъ, всегда заботливо и красиво засаженный цвѣтами, съ рабатками душистыхъ розъ и особо огромными анютиными глазками, — оглашался цѣлыми днями, а нерѣдко далеко за полночь либо музыкой, либо пѣніемъ: Шопенъ смѣнялся Бетховеномъ, Рубенштейнъ — Чайковскимъ.

А теперь кругомъ царила мертвящая, какая-то жуткая тишина... Я осадилъ лошадь и поспѣшила запечатлѣть фотографіей молчаливое величіе этого стараго дома. Какъ знать! Скоро, можетъ-быть, вырубятъ старые густохвойные кедры парка, а самый домъ разнесутъ по кирпичу. Музыканты-владѣльцы всѣ почти умерли, а одинъ изъ оставшихся — крупный петербургскій чиновникъ — почти не заглядываетъ въ свою вотчину.

Молчить и старая, совсѣмъ разрушившаяся мельница на бойкомъ, бурливомъ ручьѣ сосѣдняго оврага. Зеленою тиной затянуть прудъ, заросъ наполовину тростникомъ и темно-зеленымъ тонкимъ хвощемъ. Берега сплошь покрыты бѣлыми пышными цвѣтами дикой шпиріи, перемежанной съ розовыми султанами мальвъ. Только „омуть“ у самого става таинственно чернѣется, напоминая безподобное полотно Левитана.

Новый остроуглый поворотъ дороги заставляетъ оставить за собой и домъ и мельницу... Минуя овсяное польцѣ, въѣзжаемъ мы въ небольшую сосновую рощу, красиво прерывающую однообразіе поля у самого почти поемнаго луга рѣки Вязьмы, на высокомъ, нѣсколько продолговатомъ песчаномъ бугрѣ.

Роща эта называется „Колдунья“ и о ней ходитъ множество легендъ, конечно, самыхъ ужасныхъ, самыхъ таинственныхъ.

А какой видъ отсюда! Скатистыя, песчаныя поля увалами спускаются къ поемнымъ низинамъ. Направо и налево раздвигается широкая долина Вязьмы-рѣки. По крутобережнымъ, стародавнимъ ея отступамъ, къ прежнему древнему ложу и теперьшнимъ лугамъ, сползаютъ хаты деревень, видны усадьбы, сѣла...

Вотъ вдали направо маячитъ бѣлая церковь древняго села Бунакова, Дягилево тожъ, о которомъ упоминаютъ еще писцовыя книги кн. Волконскаго. Бывшее помѣстье г.г. Левицкихъ, оно тоже перешло въ кулацкія, удивительно безхозяйственные руки, успѣвшія продать на сносъ господскій домъ и разорить всю усадьбу, кромѣ

грандіозныхъ каменныхъ аркадъ коннаго двора, одиноко и сиротливо торчащихъ среди вѣковыхъ полуизсушенныхъ березъ, густо-покрытыхъ огромными грачиными гнѣздами.

Удивительное дѣло! Какъ только эта крикливая, назойливая птица облюбуетъ себѣ какое-либо селеніе для жительства – такъ и знай: не миновать ему рано или поздно конечнаго разоренія.

А вотъ напротивъ раскинулось не менѣе древнее, съ высокочтимой иконой Тихвинской Божіей Матери, село Чепчугово и деревня „Зарѣчье“ съ р. Новоселкой, впадающей въ Вязьму.

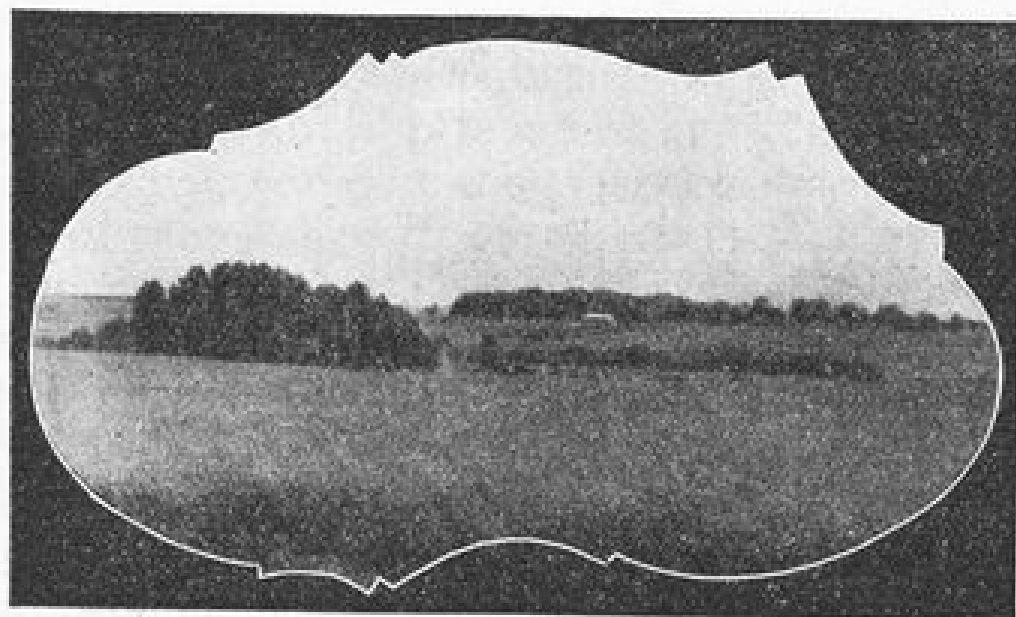
И здѣсь тоже когда-то была „барская оспѣдность“ съ обширнымъ, такъ-называемымъ, „англійскимъ паркомъ“ на берегу нынѣ спущеннаго красиваго озера. Огромные пахучіе тополя этого парка также не миновали грачиныхъ гнѣздъ, и только липы стараго „французскаго“ сада, со сходящимися къ одному центру широкими тѣнистыми аллеями, пока еще избѣжали этого губительнаго засилья.

Такіе парки оживаютъ въ таинственныя лунныя ночи, и тотъ, кому открытъ чудесный даръ воскрешать въ умѣ своемъ прошлое, увидить по нимъ скользящія легкія тѣни кавалеровъ и дамъ въ пышныхъ робахъ „Вато“... „Вѣчный праздникъ“, который они создали изъ жизни, заставилъ ихъ потомковъ, а равно и потомковъ тѣхъ, кто имъ подражалъ столь усердно, какъ наше выбитое изъ колеи реформами Петра I – русское боярство, мало-по-малу ликвидировать свои старыя гнѣзда, включительно до продажи на срубъ вѣковыхъ, дѣдовскихъ насажденій...

Такъ и это помѣстье запустило уже съ издавнихъ временъ и хотя парки еще пока не вырублены, но послѣдній отпрыскъ стариннаго владѣльца, прослуживъ всю свою жизнь гдѣ-то въ западномъ краѣ, предпочелъ устроить себѣ послѣднее старческое „mongeros“ на чужеземной „Ривьерѣ“, предоставивъ остатки своего прекраснаго когда-то имѣнія на русской рѣкѣ „Вязьмѣ“ расхищать неизвѣстному субъекту изъ разночинцевъ, предусмотрительно женившемуся на одной изъ прежнихъ барскихъ экономокъ...

А тамъ, по направленію къ городу Вязьмѣ—еще и еще такія помѣстья: Софьино, Круча, Красное Село!..

Ахъ, все это, пѣсни бывшая,
Но живы донынѣ онѣ:
Ихъ отзвуки скорбно-нѣмые
Звучать по родной сторонѣ...

Роща Колдунья и село Чепчугово.

Гулко, протяжно шумѣли надо мной вѣковыя сосны „Колдуньи“! Подъ ногами мягко скользиль пышный, золотистый коверъ облетѣвшей хвои. Кое-гдѣ торчали по ней крѣпко-скрученные могучіе корни, да желтой осыпью песка отливали круглыя котловины, покрывшія весь южный скатъ роши.

Происхожденіе ихъ объясняютъ различно: говорятъ, что въ таинственную купальскую ночь сюда слетаются вѣдьмы изъ Кіева съ Лысой горы (кстати тутъ невдалекѣ есть и деревня „Лысово“). И вотъ однажды онѣ затѣяли драку, накликали бури-вѣтры и повывали сосны съ корнями.

Говорятъ, что кладоискатели искали здѣсь скрытыхъ несмѣтныхъ сокровищъ...

Говорятъ, что просто брали песокъ для каменныхъстроекъ того-же села „Чепчугова“ и того же господскаго дома „Азарово“.

Вотъ у самаго перекрестка, среди роши, какъ разъ гдѣ сходятся три дороги, стоитъ корявая двухстолѣтняя сосна. Одинъ изъ могучихъ сукъ ея какъ-то странно, точно вывихнутый отвисъ книзу, простирая надъ перекресткомъ свою мохнатую лапу. Преданье гласитъ, что сукъ этотъ подбитъ ядромъ французовъ, когда они выбивали изъ этой роши, засѣвшій въ ней казачій пикетъ. Говорятъ, что и домъ, построенный въ XVIII столѣтіи Яковомъ Бунаковымъ, уцѣлѣлъ только благодаря барскому повару Лукьяну, сумѣвшему искусствомъ своимъ снискать расположеніе французскаго генерала Мюрата, остановившагося здѣсь

Сосны, рощи Колдуньи.

на дневку—значить числа 14-15-го Августа передъ взятіемъ Вязьмы.

Тогда же Чепчуговская церковь обращена была въ конюшню и въ ней ограбили 112 руб. денегъ, 2 ф. свѣчей и 10 ф. огарковъ.

Не миновали, конечно, эти мѣста еще разъ непріятельскихъ полчищъ во время форсирован-

наго отступленія Наполеона къ Смоленску, куда онъ со своей гвардіей шелъ Московскимъ большакомъ на село Семлево въ роковой для него день Вяземской битвы 22-го октября, когда глазамъ русскихъ впервые открылась правдивая картина полного разстройства „великой арміи“, а самому надменному властителю Европы ясно стало, что преслѣдуютъ его по пятамъ не одни казачьи отряды, но вся, и къ тому-же сильно укомплектованная, русская армія.

Здѣсь, могъ итти маршалъ Даву, который подъ Вязьмой, по приказанію Наполеона, смѣнилъ аріенгардъ маршала Нея, чтобы прикрывать тылъ, дать пройти обозамъ и задерживать натискъ русскихъ войскъ. Вытѣсненный Неверовскимъ и Платовымъ изъ Вязьмы и преслѣдуемый симъ послѣднимъ по пятамъ (Неверовскій отъ Вязьмы шелъ съ лѣваго фланга, т.-е. южнѣе Моск.-Смоленскаго большака), онъ скорѣе всего могъ пробираться этой дорогой, называемой „Убережью“.

Какъ бы то ни было, но весь этотъ 12-верстный путь обильно улитъ человѣческою кровью, усѣянъ мертвыми костями...

Рѣка Вязьма подъ с. Бунаковымъ дѣлаетъ луку, и берега ея, хотя гористые, покрыты частыми топкими котловинами, видимо заплывшихъ ключей, и потому дорога здѣсь круто отворачиваетъ вправо и черезъ господскіе дворы: Костино (тогда еще не бывшее селомъ), Кочетово, Митятино (Аделаидино тожъ) пересѣкаетъ опять р. Вязьму и идетъ по древнѣйшимъ селамъ Сережанъ и Гжель къ Городищу, гдѣ донынѣ уцѣ-

лѣла рубленая изъ брусевъ волость, въ которой французы грѣлись и метали банкъ, ставя на карту награбленное въ Москвѣ добро. И тутъ они были всѣ перебиты партизанами, всѣ до единого...

Солнце показывало полдень, и впереди предстояло еще нѣсколько интересныхъ мѣстъ для обслѣдованія, а потому пришлось распрощаться съ таинственной рошей „Колдуньей“.

Миновавъ Азаровскій мельничный ручей, иначе рѣчку „Лютую“ крутой изволокъ, деревню Петино, верхъ кочковатаго луга, покрытаго хмызѣй, маленькій перелѣсокъ, гдѣ когда-то стояли какіе-то дворики, о коихъ шла весьма недобрая слава, а теперь только торчатъ и пугаютъ въ ночи обгорѣвшіе столбы давняго пожарища; перебравшись по шаткому мостику рѣчушки „Каменки“, подѣзжаю я, наконецъ, черезъ поле къ небольшому поселку „Литвиново“—цѣли моего выѣзда.

Подвернувъ къ одной изъ хатъ и убѣдившись, что кромѣ маленькихъ ребятъ никого нѣтъ дома, я рѣшила направиться прямо къ такъ-называемымъ „Литовскимъ курганамъ“, находящимся тутъ же за ручьемъ. Эти курганы, помнятся, съ дѣтства не давали мнѣ покоя.

Молва гласила, что насыпаны они „надъ павшими воинами королевича Владислава, когда онъ шелъ въ 1611 г. короноваться въ Москву“.

Но курганы эти древнѣйшаго происхожденія и преданія о полякахъ смѣшаны, какъ видно, съ преданіями о литовцахъ.

Курганы расположены у самой дороги. Они нѣсколько продолговатой формы, аршина 2½ вышины, шаговъ преимущественно 45 въ окруж-

ности и по бѣльшей части съ воронкообразнымъ углубленіемъ посреди—слѣдами неумѣлаго усердія кладоискателей. На одномъ изъ нихъ выросла развѣсистая берѣза, на другомъ—нѣскольکو молодыхъ лѣочекъ.

Всѣхъ кургановъ тутъ 7 и 8-й на отлетѣ въ омшникѣ былъ мною усмотрѣнъ въ послѣдствіи. Они расположены въ неправильномъ порядкѣ и тянутся до самаго, довольно здѣсь низменнаго, берега рѣки Вязьмы. Тамъ курганы, вслѣдствіе жидкости почвы, сильно расплылись и нѣкоторые изъ нихъ едва примѣтны.

Сдѣлавъ всѣ необходимыя промѣры и снявъ фотографіи, стала я, по свойственной мнѣ еще съ дѣтства привычкѣ, внимательно разсматривать гребни пашни, пролегавшей у одного изъ кургановъ и срѣзавшіе его боковину. Вниманіе мое не пропало даромъ и я, къ моему величайшему восторгу, нашла три глиняные черепка очень древней эпохи, одинъ даже съ характернымъ, вдавленнымъ узоромъ... Глина ихъ перемѣшана съ толчеными раковинами.

Да, эти три ничтожные глиняные обломка сразу измѣнили теченіе моихъ мыслей и въ умѣ сложилась смѣлая, быть-можетъ, но пожалуй, не безосновательная гипотеза-- не есть ли эти курганы древнѣйшіе могильники того „мерянскаго“ племени, которое когда-то населяло Вязьму.

Подобные, тоже неизслѣдованные могильники существуютъ подъ доисторическимъ городомъ Дорогобужемъ на одномъ изъ островковъ Днѣпра. Такое жъ грандіозное „поле мертвыхъ“ видимъ мы подъ Смоленскомъ въ лицѣ Гнѣздова.

Не имѣли ли всѣ доисторическіе города наши, лежавшіе, конечно, по берегамъ рѣкъ—этихъ единственныхъ въ то время путевыхъ артерій, свои постоянныя кладбища въ извѣстномъ разстояніи отъ селитьбы и не оттого-ли происходилъ обычай сжигать мертвыхъ въ ладьяхъ, о коемъ повѣствуетъ еще Ибнъ Фотланъ, арабскій историкъ IX вѣка? Мертвое тѣло увозилось по водѣ и было весьма естественно съ нимъ вмѣстѣ сжигать и вмѣщавшую его ладью.

Все это, однако, не мѣшало и полякамъ останавливаться тутъ лагеремъ и въ тѣхъ же курганахъ хоронить своихъ павшихъ воиновъ.

Пока я размышляла надъ всѣми этими историческими и доисторическими событіями, ко мнѣ подошелъ высокій, сухой человѣкъ безъ шапки въ бѣлой холщевой рубашкѣ, украшенной тканною переборкой и въ черномъ жилетѣ.

Это былъ одинъ изъ владѣльцевъ Литвинова, какъ я потомъ узнала, Константинъ Роговъ, —личность культурная и симпатичная. Онъ вполне понялъ мои археолого-историческія стремленія и съ большою готовностью вызвался не только дать разрѣшеніе на раскопки, но пополнить всѣ мои скудныя свѣдѣнія тѣми, которыя ему извѣстны; для этого надо было только завернуть къ нему попить чайку.

Съ большимъ удовольствіемъ приняла я его любезное предложеніе, но съ тѣмъ, что заверну къ нему черезъ часокъ, такъ какъ хотѣла еще доѣхать до сосѣдней деревни Кувшиново, гдѣ надо было снять и замѣрить сосну, въ вѣтвяхъ

которой, по преданію, слышанному мною еще съ дѣтства, прятались крестьяне отъ французовъ.

И дѣйствительно, жители Кувшинова подтвердили мнѣ это, добавивъ:

—Теперь отъ этой сосны половины не осталось. Стара стала. Вѣтки роняетъ. А раньше она, охъ, густа была: цѣлою деревней спрятаться можно было.

Кувшинновская сосна.

Между Литвиновымъ и кувшиновымъ мнѣ удалось сдѣлать еще одно важное открытіе. На высокомъ бугрѣ замѣтила я рядъ небольшихъ холмиковъ. Среди нихъ оказались ямки, гдѣ, видимо, недавно брали песокъ, и тутъ я нашла нѣсколько обломковъ человѣческихъ черепныхъ костей—явное доказательство, что холмики эти—могилы—думается мнѣ—французскія и тайну свою онѣ намъ, надѣюсь, расскажутъ при раскопкахъ.

Вяземскій уѣздъ вообще изобилуетъ курганами, еще совершенно нетронутыми археологическими изслѣдованіями, но народъ въ большинствѣ случаевъ именуетъ ихъ „французскими могилами“, изрѣдка „литовскими“.

Такая „французская могила“ была мнѣ указана на берегу рѣки Вязьмы подъ селомъ Сережанью, крестьянами деревни Хожаево, но тамъ оказалось типичное мерянское погребеніе съ трупосожженіемъ IX—X, вѣка. Затѣмъ въ пустошѣ „Соровѣжино“, принадлежавшей нѣкогда господамъ Басовымъ, а теперь крестьянамъ деревни Ямново, саженьяхъ въ полутора по большой дороги изъ Вязьмы въ Бѣлый, на малой возвышенности примѣтны двѣ квадратныя ямы и возлѣ нихъ заплывшій прудокъ.

Ямы эти тоже называютъ „французскими могилами“ и лѣтъ 15 [назадъ какіе то кладоискатели ихъ разрыли и говорятъ, нашли тамъ человѣчьи кости, а также ружья, неизвѣстно куда исчезнушія.

Остановившись на Литвиновѣ для провѣрки промѣровъ и отправивъ „Побѣду“ съ конюхомъ

впередъ, направилась и я, наконецъ, къ радушному хозяину.

Подлѣ избы, въ огороженномъ тынкомъ палисадѣ, подъ сѣнью развѣсистыхъ липокъ накрытъ былъ столъ чистой, выбѣленной рядниной. На немъ привѣтливо шумѣлъ самоваръ среди разнокалиберной чайной посуды съ традиціонной стеклянной вазочкой, наполненной кусочками сахара и высокой поливной крынкой жирно-блесткаго топленаго молока.

Подлѣ стола суетились домашніе хозяина — исключительно однѣ застенчиво-молчавшія женщины: старуха-жена и взрослые дочери въ неуклюжо-сидящихъ городскихъ платьяхъ на толстыхъ таліяхъ съ рыхлыми золотушными лицами, да еще маленькая дѣвочка, тоже крайне золотушная, какъ оказывается, гостившая здѣсь внучка.

— Вотъ и все мое семейство. Всѣ дочери однѣ. Сыны то всѣ помирали. Двухъ дочекъ уже замужъ выдалъ, вотъ и внучка гостить, а три еще дома. Да... Тяжело нонеча съ дичками.. Извольте-ка чайку откусать,—говорилъ Роговъ.

Онъ опустилъ голову и на минуту смолкъ.

— Такъ вы, станутъ. изъ Качотова будете. Какъ же. Папе ька-то-вашъ меня дуже хорошо зналъ, царство ому небесное! Раненько онъ только померъ... Вѣдь и мы тоже съ дворянъ будемъ, съ однодворцевъ, значить... Да-съ, мы вольные казаки!—Не безъ гордости заявилъ онъ, поднявъ голову. Можетъ, слыхали деревню Бѣзню, что за Вязьмой?.. Ну такъ мы-съ оттудова. Отецъ мой съ тремя товарищами эту земельку купилъ. Монастырьская была. Отписана мужскому монастырю

отъ господъ Салтыковыхъ. Какъ вольная, значить, вышла, то монастырскіе крестьяне подгородные не пожелали землю за свой надѣлъ взять. „Не хотимъ платить“—да и только. Ужъ какъ ихъ тогда чиновникъ уговаривалъ. Уперлись на своемъ. Ну а теперь желаютъ, конечно. Безземельные. Тогда монастырь земельку продалъ, а мы купили, да сюда выселились.

—А какъ живете?—Хуторами?

—Нѣтъ. Обчествомъ. Боязно съ хуторами. Дѣло незнакомое. Кабы гдѣ посмотрѣть. Слыхивалъ я. Антересно очень. Только боязно, да и не знаемъ, какъ приступиться. Вѣдь у насъ не надѣльная земля, а купленная въ вѣчность значить, ну, а купленную казенные землемѣры на хутора не разбиваютъ; очень это для многихъ стѣснительно. Да къ тому же съ кѣмъ мнѣ работать-то? Изволите видѣть—все дѣвицы. Тяжелый нонче товаръ. Безъ приданаго не берутъ. По двѣ и по три сотни требуютъ. Вотъ двоихъ выдалъ—семь сотъ мнѣ стали со свадьбой. А тутъ еще эти года неурожайные... Обезсилѣлъ совсѣмъ.

Разговоръ перешелъ на курганы.

Роговъ сообщилъ мнѣ, что среди деревни есть еще три кургана, одинъ сравнялся почти съ землей, а два другіе разрыты лѣтъ двадцать тому назадъ, между прочимъ, у него въ садикѣ, гдѣ дѣйствительно была саженная квадратная яма, забросанная теперь битыми горшками и всякимъ мусоромъ.

—Кладовъ, конечно, все искали,—пояснилъ Роговъ.

—Ну что же, нашли?—полюбопытствовала я.

— Да что? Пустяки сущіе, окромя трехъ огромныхъ человѣческихъ головъ; ну, мы ихъ опять тутъ же зарыли. А то бусинки такія свѣтлыя, да крестики мѣдные тѣльные, больше ничего.

— А какъ рыли?

— Да какъ? Извѣстно колодцемъ сверху.

— Ну а вещи гдѣ?

— Передали тогда же въ село Чепчугово отцу Михаилу Лебедеву, а онъ куда-то, говорятъ, отправилъ.

Отецъ Михайлъ уже много лѣтъ какъ умеръ, а потому чего-либо добиться объ этихъ вещахъ не было возможности.

— Вотъ у насъ интересное озеро есть: „Кладовое“ прозываютъ.

Я насторожилась.

— Тутъ недалече. На моихъ нивахъ. Говорятъ, будто тамъ три воловьихъ шкуры съ золотомъ, да еще орудіе зарыто.

— А кѣмъ?

— Ну, это неизвѣстно.

Я, конечно, поспѣшила воспользоваться предложениемъ пройти на сію достопримѣчательность.

Среди высокой, волнующейся ржи, обдававшей насъ пріятнымъ хлѣбнымъ запахомъ, пролегла узенькая тропа. Она вывела на скошенный лужокъ, среди котораго виднѣлась куртинка, сажень въ 20 квадратныхъ.

Это и было „Кладовое озеро“, теперь совсѣмъ заплывшее.

Далѣе за нимъ оказался овражекъ, повидимому, когда-то запруженный, такъ какъ съ боковъ виднѣлись остатки плотины. Въ скатахъ

овражка вниманіе мое привлекли ямы въ видѣ погребовъ, гдѣ я усмотрѣла кирпичный мусоръ.

По всей вѣроятности, здѣсь когда-то была стройка, но о ней Роговъ ничего мнѣ сообщить не могъ.

Отсюда провель онъ меня показать еще одну достопримѣчательность: „Гремучій ключъ“, находящійся въ самомъ устьѣ того же овражка, впадавшаго въ рѣчушку „Каменку“, нѣсколько выше проѣзжей дороги.

—Теперь нашъ ключъ отгремѣлъ... Заболотился... А раньше на моей еще памяти, слишкомъ за версту слышенъ былъ. Ухъ, звонкій!

Дѣйствительно, верховье этого родника представляло типичную заболоченную котловину, обычно покрытую, даже въ глубокую осень, ярко-зеленою травой, зыбкую и какъ бы нѣсколько припухшую надъ общимъ уровнемъ почвы.

Такія котловины лежатъ иногда на большой высотѣ и составляютъ особенность нашихъ мѣстныхъ рѣчныхъ долинъ, такъ какъ большинство окружающихъ ихъ холмовъ въ глубинѣ своей хранятъ мощныя залежи отличнаго известняка и не менѣе цѣннаго мергеля или туфа, называемаго крестьянами „земляной хлѣбъ“.

Но, къ сожалѣнію, весьма цѣнныя удобри- тельныя свойства мергеля въ измѣльченномъ видѣ, особенно для нашей тяжелой глинистой почвы, совершенно неизвѣстны мѣстному населенію.

Помимо прекрасной питьевой воды, въ ключѣ, а также по р. Каменкѣ, оказались типичные об-

разцы желѣзной руды, о присутствіи которой у насъ пока, кажется, не имѣютъ понятія ни ученые, ни предприниматели.

Да, много богатствъ, много сокровищъ, дѣйствительно „кладовъ безцѣнныхъ“, таитъ въ себѣ наша земля—мать родная... Но мало мы ими интересуемся, мало занимаемся, мало изслѣдуемъ.

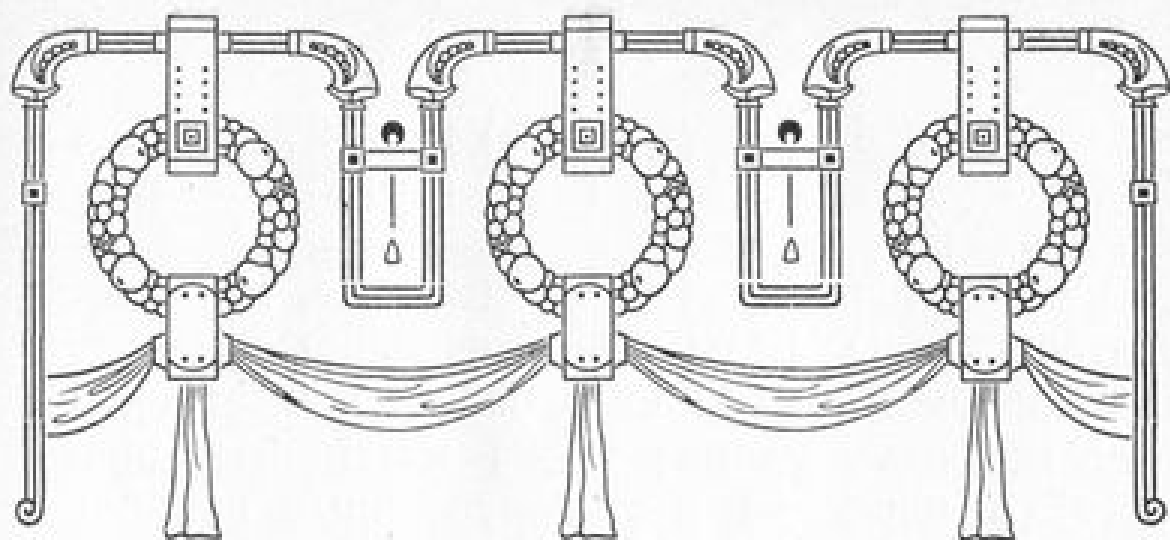
Своя родина, свой маленькій уголокъ кажется каждому, по большей части, такимъ обычнымъ, такимъ мало интереснымъ... Тянетъ насъ въ чужіе края, далекіе, гдѣ мы всѣмъ и вся восхищаемся, фотографируемъ, зарисовываемъ, изучаемъ; кладемъ туда свою молодость, силы, знанія, нерѣдко и капиталы, а своему родному краю, насъ породившему и вскормившему, отдаемъ только въ лучшемъ случаѣ сентиментальные вздохи да воспоминанія...

Распростившись съ радушнымъ хозяиномъ, пустилась я въ обратный путь.

Передо мною маячила роща—„Колдунья“, какъ бы надвигаясь своею темною громадой. Слѣва серебристою шириной вилась рѣка Вязьма, теперь повитая туманами, а за нею высоко надъ темными кущами сада горѣлъ въ заходящихъ лучахъ рѣзной крестъ Чепчуговской колокольни.

Туманы быстро подымались и ширились, заполняя всю луговую низину и впадавшія въ нее глубокія лощины. То сгущаясь, то развиваясь принимали они какіе-то безформенные, неясные образы и чудилось мнѣ, что вокругъ, тѣсняясь и перегоняя другъ друга, измученныя, истерзанныя, съ горькимъ упрекомъ и проклятіемъ на устахъ

вставляли многотысячныя тѣни когда-то бѣжавшей здѣсь рати, тѣни безчисленныхъ человѣческихъ жизней, отторгнутыхъ отъ родины своей и загнанныхъ на гибель, Богъ знаетъ куда, въ край чуждый, въ край морозный, единоличнымъ только самовластіемъ и безпримѣрнымъ честолюбіемъ Наполеона.

III.

Городъ Вязьма.

Изъ сѣв.-вост. городовъ Смоленской губ. замѣчательны: Можайскъ—поросятами, Гжатскъ—ободьями и веревками, Вязьма—пряниками.

Изъ учебной географіи.

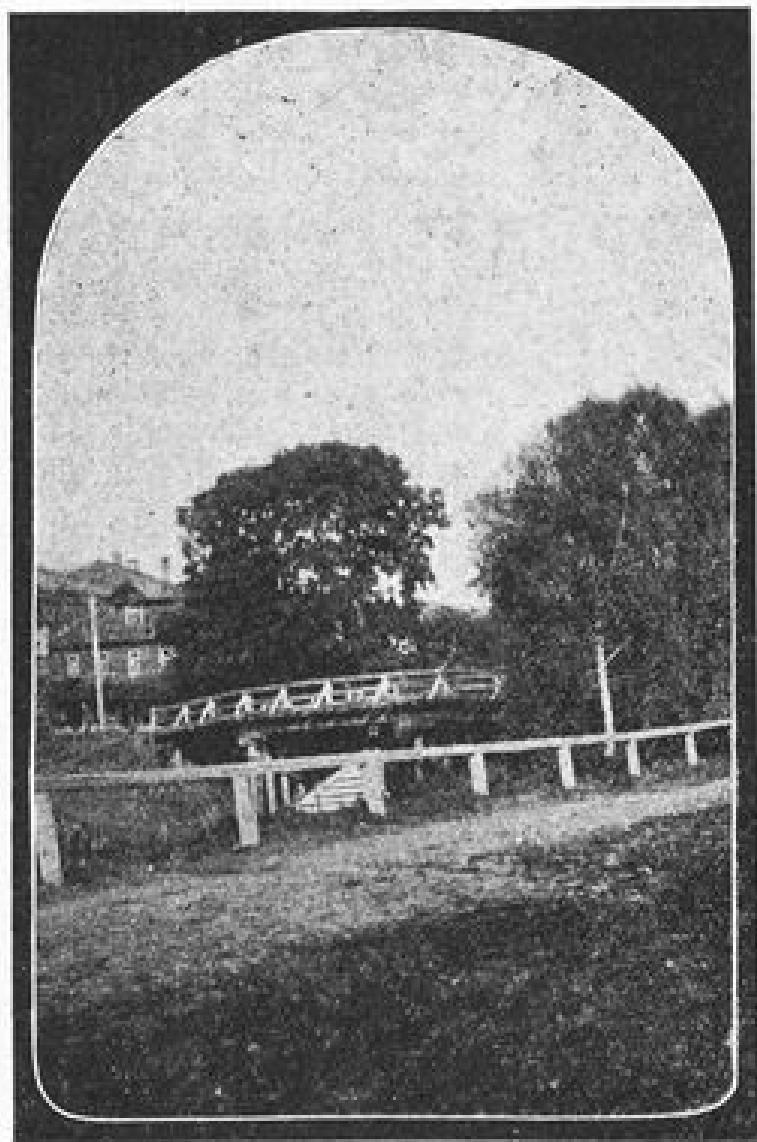
Городъ Вязьма, мѣсто малооцѣненнаго, потому малопопулярнаго, но тѣмъ не менѣе крайне знаменательнаго боя 22 Октября, 1812 г. съ перваго впечатлѣнія, кажется совершенно утратившей какія бы то ни было воспоминанья и вещесвенныя памятники о великой эпохѣ отечественной войны.

Но, въ сущности, это не такъ. И воспоминаній и памятниковъ много, но всѣ они какъ бы лежатъ подъ спудомъ, ждутъ своего времени, своихъ изслѣдователей.

Живя какимъ то особымъ патріархальнымъ укладомъ, городъ этотъ, не смотря на свою ста-

родавнюю и весьма солидную торговлю, въ сущности, мало измѣнилъ свой обликъ за цѣлое это столѣтіе.

Тѣже церкви, тѣже каменные, неуклюжіе Екатерининскіе ряды съ неизмѣннымъ мусорнымъ ящикомъ на самомъ бойкомъ мѣстѣ и на углу главныхъ улицъ; тѣ-же массивные, почти съ тѣхъ поръ не реставрированные каменные дома... Есть даже и деревянные, какимъ то чу-

Суслениковъ домъ и мостъ.

домъ уцѣлѣвшіе отъ пожара 16-го Августа когда жители, покидая городъ, передъ вступленіемъ въ него Наполеона, также какъ и москвичи — подожгли его.

Таковъ, на примѣръ „Сусленниковъ домъ“ у Сусленникова моста съ тесовой крышею, сплошь обросшей зеленымъ мохомъ.

Изъ каменныхъ домовъ, помнящихъ 1812 годъ прежде всего слѣдуетъ назвать домъ, бывшій Городжанскаго, противъ мужскаго монастыря въ одной изъ комнатъ коего, еще въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія красовалась на стѣнѣ собственноручная надпись Наполеона: „Napoleon“. Над-

Домъ Городжанскаго.

пись эта затерта во время ремонта когда здѣсь помѣщался штабъ 1-й артиллерійской бригады.

Также мало измѣнили свой внѣшній видъ такъ называемые „Гайдуковскіе казармы“ — бывшіе Барышниковскіе дома, за Зуевымъ мостомъ, занятые французскимъ гарнизономъ во все время движенія Наполеона къ Москвѣ и обратно, т. е. съ 16-го Августа по 22-е Октября.

Гайдуковскія казармы.

Непосредственно подлѣ нихъ высится церковь, официально теперь имѣнуемая „Петропавловской“, но среди вязмичей сохраняющая свое стародавнее названіе „Георгіевской“. Она поражаетъ особо — красивой, соборообразной архитектурой, построенія знаменитаго въ Смоленской губерніи рода Барышниковыхъ. На западной стѣнѣ главнаго храма вдѣлана доска со слѣдующей надписью:

„На мѣстѣ покоющихся бабки Акилины Ивановны и матери Софіи Савичны Барышниковыхъ построень храмъ сей во славу Божию изъ уваженія къ праху родительницы въ лѣто отъ „Р. X. 1806 ое“.

Прежняя дубовая церковь была тогда продана въ село Собакино—Успенское то-жъ, Сычевскаго у.

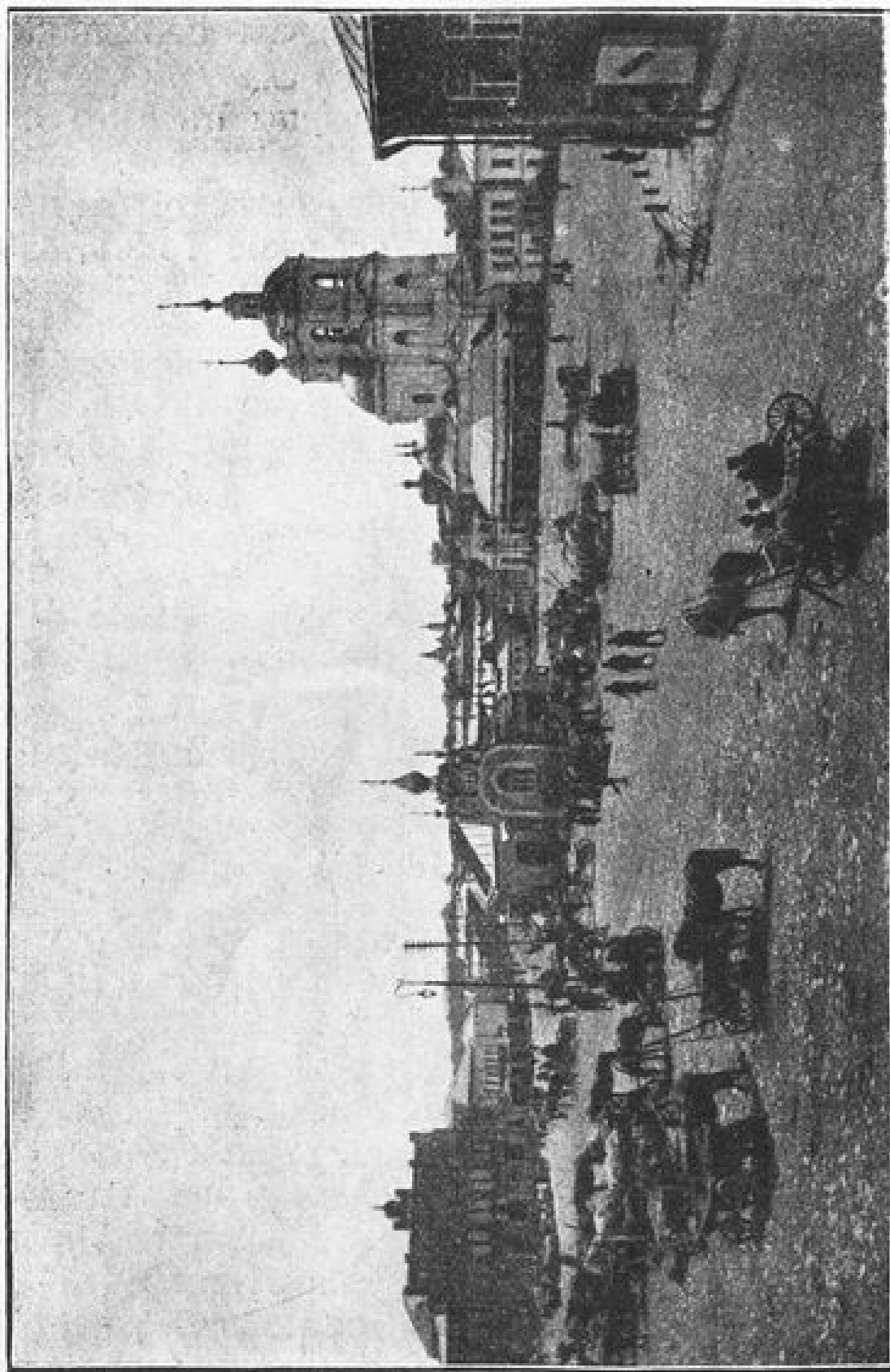
Георгіевская церковь.

Въ прихода-расходныхъ книгахъ этого храма, выданныхъ изъ Смоленской Епархіи въ 1808 г. значится подъ 1812-мъ годомъ:

„Въ Августѣ мѣсяцѣ непріателемъ унесено „кошельковыхъ денегъ 1182 р. 67 к.“

По преданіемъ, въ самой церкви были поставлены лошади, а алтари служили помѣшеніемъ французскимъ генераламъ.

Но самымъ главнымъ памятникомъ 12-го года несомнѣнно является церковь „Рождества Богородицы“ или просто „Богородицкая“, какъ

Торговая площадь и Богородицкая церковь

ее вообще принято называть, служившая сосредоточіемъ Вяземскаго боя.

Здѣсь изъ такихъ же прихода-расходныхъ книгъ удалось почерпнуть весьма любопытныя данныя, касающіяся, съ одной стороны, выѣзда жителей изъ Вязьмы предъ вступленіемъ французскихъ войскъ, съ другой, о сохраненіи церковнаго имущества, весьма заботливо и обдуманно запрятаннаго мѣстнымъ причтомъ.

Такъ въ расходной книгѣ значится:

„1812-го года, Августа 15-го отдано священнику Петру Кирилловскому для проѣзда отъ „нашествія непріятельскаго кошелековыхъ денегъ „100 рублей.“

„Діакону Михаилу Троицкому 30 руб.

„Дьячку Стефану Ершову 20 руб.

„Пономарю Александру Дубровскому 20 руб.

Въ приходной книгѣ прошнурованной и пронумеровонной, на стр. 23-ей красными чернилами написано:

„За четыре мѣсяца прихода не было, поелику служенія не было во время нашествія „непріятеля (Подпись): Благочинный Протоіерей „Горанскій“.

Далѣе тамъ-же:

„1813-ый годъ. Въ Генварѣ мѣсяцъ отъ прошедшаго Декабря 1812-го года наличныхъ денегъ не было“.

Въ расходной же книгѣ подъ 5-мъ Декаремъ 1812-мъ годомъ помѣчена слѣдующая въ высшей степени интересная статья:

Богородицкая церковь отъ набережной.

„За очистку церкви и засыпать яму въ которой хранились сундуки съ церковными вѣщами, также и замостить мостъ, заплачено 6 руб.“

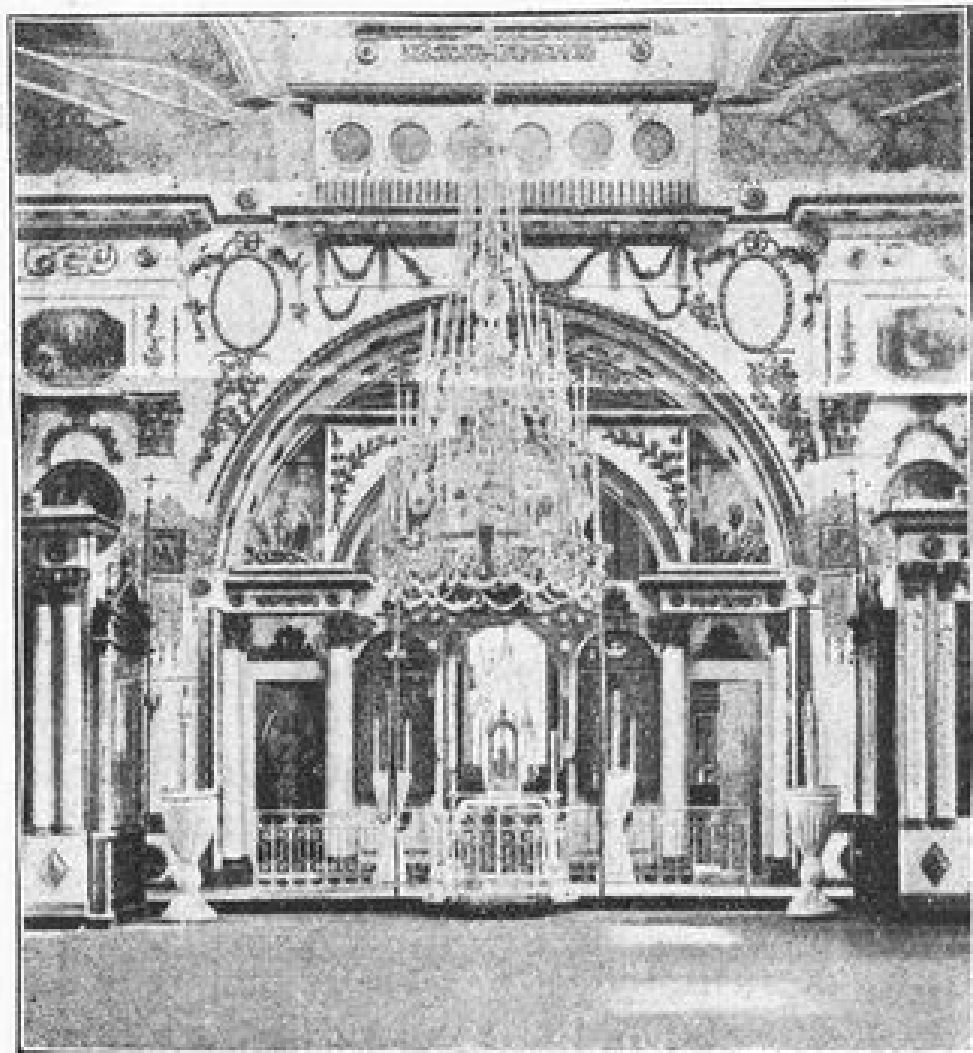
(Слѣдуетъ подпись священника Петра Кириловскаго).

Вотъ эта-то, краткая по первому впечатленію запись, воспроизводитъ передъ нами цѣлую картину прошлаго и вмѣстѣ съ тѣмъ характеризуетъ того „пастыря разумнаго“, какимъ очевидно былъ о. Петръ Кирилловскій, поспѣшившій, прежде чѣмъ подумать о спасеніи собственнаго живота своего, приложить всяческое стараніе къ сохраненію отъ расхищенія и поруганія ввѣреннаго ему церковнаго имущества.

Преданіе подтверждаетъ этотъ фактъ и гласитъ, что въ огородѣ были вырыты ямы, куда поставлены сундуки съ церковной утварью, образами, богослужебными книгами и проч. и всё это затѣмъ столь тщательно засыпано и замаскировано, вѣроятно какимъ либо мусоромъ, что непріятель, кстати сказать, весьма усердно занимавшійся грабежомъ и отыскиваніемъ зарытыхъ цѣнностей, въ данномъ случаѣ, не попалъ на этотъ кладъ, каковой затѣмъ благополучно и былъ откопанъ, возвратившимся на свое пепелище Богородицкимъ причтомъ.

Не такъ догадливъ, а можетъ быть и слишкомъ догадливъ, былъ священникъ Георгіевской церкви о. Петръ Поповъ, гдѣ, какъ вышеупомянуто, значится коротко и ясно: „непріателемъ унесено 1182 руб. 67 коп. кошельковыхъ денегъ“, сумма по тѣмъ временамъ весьма значительная,

спрятать каковую или просто даже увезти съ собою конечно не представляло никакого затрудненія.

Внутренность Богородицкой церкви.

Въ книгу „Опись церковнаго имущества“ той же Богородицкой церкви подшита, сдѣланная, какъ тамъ значится, въ 1854-мъ году выписка изъ *домашней лѣтописи* прихожанина этой церкви Алексѣя Васильевича Кузнецова, начатой съ 1775-го года и доведенной имъ до 14-го Октября 1817 года такъ какъ 20-го того-же мѣсяца онъ скончался.

Тамъ подъ 1812-мъ годомъ занесено ниже-
слѣдующее:

„Августа 17-го при отступленіи русской ар-
„міи изъ Вязьмы къ Гжатску казаки зажгли
„Смоленскій мостъ на р. Вязьмѣ, чтобы удержать
„нѣсколько натискъ французовъ. Отъ моста за-
„горѣлись лавки деревянныя, недалеко стоящія
„отъ церкви и отъ лавокъ домъ священника и
„и причетниковъ той церкви. Отъ сильного огня
„раскалилось желѣзо на кровлѣ алтаря, а т. к.
„въ алтарѣ былъ сдѣланъ не сводъ кирпичный,
„а потолокъ деревянный...”

Тутъ къ виличайшему сожаленію, лѣтопись
обрывается и послѣ двухъ бѣлыхъ вклеенныхъ
листовъ, начинается опись, т. е. перечень иконъ
и утвари, писанная совершенно инымъ почер-
комъ и чернилами.

Но и это обрывочное извѣстіе, опять таки
подтверждаетъ намъ со словъ несомнѣннаго оче-
видца, что Вязьма, также какъ и Москва, была
оставлена Наполеону покинутая населеніемъ и
вся объята пожарищемъ.

Изъ расходныхъ книгъ послѣдующихъ го-
довъ видно, что Богородицкая церковь довольно
основательно пострадала отъ пажара, т. к. ре-
монтъ ея заканчивается лишь въ 1818 году.

Изъ прочихъ церквей города Вязьмы болѣе
всѣхъ потерпѣлъ Мужской Предтеченскій мона-
настырь, обращенный въ груды развалинъ, такъ
что окончательно его возстановить и привести
въ порядокъ удалось только лишь въ 1838-мъ году,
когда заново отстроена, радѣніемъ архимандрита
Веніамина, соборная Одигитріевская церковь.

Одигитріевская церковь мужск. монаст.

Богатое монастырское книгохранилище, со многими царскими грамотами предано пламени, а цѣнное имущество, въ томъ числѣ слитки серебра и золота, (недѣланнаго) хотя были спрятаны братіей, однако отысканы и забраны француза-

ми. Всего убытку монастырь понесъ слишкомъ на сорокъ тысячъ рублей, какъ говоритъ Трофимовскій *).

По сохранившемуся устному преданію, вся братія покинула монастырь; въ немъ остался одинъ лишь старикъ іеромонахъ Іосафъ и при немъ послушникъ Іона. Они не пожелали бросить на произволъ судьбы свою обитель и рѣшились разделить ея участь. Однако при бомбардировкѣ Вязьмы іеромонахъ былъ убитъ и послушникъ отправилсякъ самому Наполеону *требовать* людей для рытья могилы и погребенія старца. Говорятъ, для этого были отряжены нѣсколько гренадеръ, каковые, желая отдать особую почестъ праху убитаго старца, не придумали ничего лучшаго какъ перевернуть свои головные уборы задомъ на передъ когда опускали въ могилу его бранные останки.

О зарытыхъ въ монастырскомъ саду сокро-

Надворотная церковь и ограда мужск. монаст.

*) Описаніе Смоленской епархіи.

вищахъ сохранилась „опись“, но, какъ не рыли и не изслѣдовали указанная мѣста, однако и донынѣ найти эти сокровища не удалось.

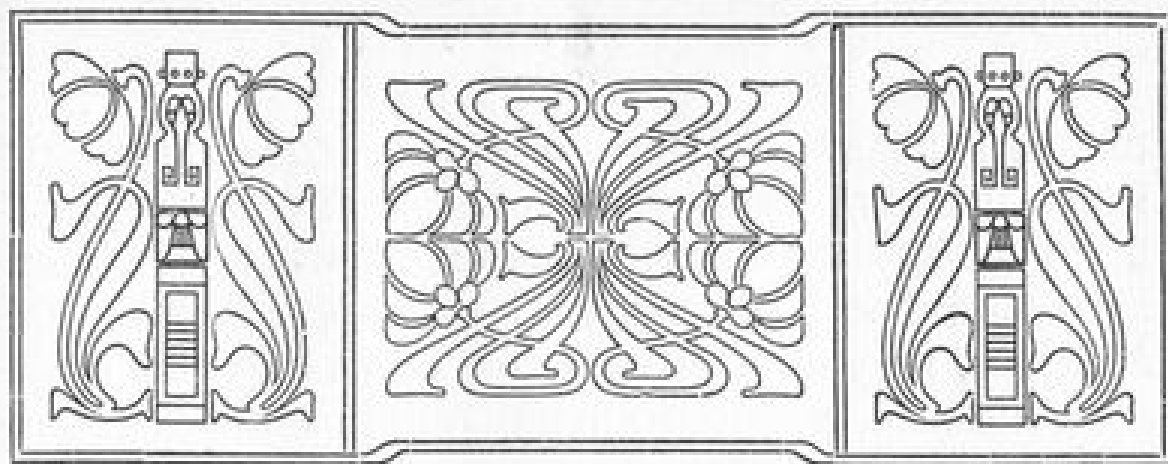
Женскій аркадіевскій монастырь также былъ разбренъ и деревянныя стройки его сожжены до тла.

Въ соборѣ выжжена вся внутренность и онъ обращенъ непріателемъ въ соляной складъ и въ такомъ видѣ оставался до Августа 1813 года, когда послѣдовало распоряженіе Смоленскаго губернатора очистить его и привести въ надлежащій видъ, на что Святѣйшій Синодъ и выслалъ 15000 р. денегъ.

Болѣе или менѣе пострадали, конечно и всѣ проч. Вяземскіе храмы.

Однако Богородицкой церкви, въ виду главнымъ образомъ около нея тѣснившихся событій, какъ при наступленіи, такъ и при отступленіи Наполеона, несомнѣнно подобаетъ стать для Вязьмы храмомъ памятникомъ незабвенной эпохи Отечественной войны.

IV.

Бой подъ Вязьмой.

„Какъ могло статься, что не взяли въ плѣнъ непріятельскаго корпуса, отважившагося отрѣзать сообщенье нашимъ войскамъ“.

Наполеонъ.

Изъ всѣхъ столкновений, отмѣченныхъ исторіей Отечественной войны, наименьшей популярностью пользуется бой подъ Вязьмой.

Весьма многіе авторы, касаясь вторженія къ намъ „двунадесяти языковъ“ упоминаютъ объ этомъ сраженіи лишь только вскользь.

А вмѣстѣ съ тѣмъ, оно весьма замѣчательно не только по упорству своему, находчивости нашихъ военнопачальниковъ и храбрости войскъ, но главнымъ образомъ, по тому чисто нравственному и совершенно противоположному воздѣйствію, которое оно оказало на наши войска и на соединенную армію, начинаясь ея гордаго главы.

Вяземскій бой 22 октября, день празднованія иконы Казанской Божіей Матери, передъ лицомъ

нашимъ развѣяль густую завѣсу, созданную дымомъ побѣдъ, завѣсу, до сего времени скрывавшую дѣйствительность, заставляя считать „Великую Армію“, не смотря на выступленіе изъ Москвы, на упорныя сраженія при тарутинѣ и Малоярославцѣ, крѣпко-дисциплинированной, сплоченной и правильно отступающей по опредѣленному стратигическому плану...

А теперь, и въ дѣйствительности, и въ глазахъ нашихъ войскъ, стала она безпорядочно-бѣгущей озвѣрѣлой ордой, деморализованной болѣе всего московскими грабежами и связанной медленно-двигавшимся тяжелымъ обозомъ нахватанныхъ дорожницъ.

Одна лишь гвардія сохраняла свой прежній, воинственный видъ, и этой послѣдней опорой, Наполеонъ както стихійно неся къ Смоленску, надѣясь тамъ найти необходимые запасы, сплотить и соединить разрозненные части войскъ, бороться самому съ мыслями.

Извѣстіе о неожиданномъ сраженіи подъ Вязьмой застигло его уже верстахъ въ 30, на переходѣ отъ села Семлёва къ Славкому, по направленію къ Дорогобужу и подробности его были для Наполеона тѣмъ психологическимъ ударомъ, который когда-то также точно поразилъ Шекспировскаго Магбета, извѣщеннаго, что Донзинанскій лѣсъ идетъ... Неустрашимому воину предсказано было гадателями, что непобѣдимость его сокрушится лишь тогда, когда двинется этотъ лѣсъ. И онъ двинулся... Ибо непріятельскія войска, подъ прикрытіемъ огромныхъ сломленныхъ вѣтвей, шли къ Донзинану...

Также точно и Наполеону ясно стало изъ донесеній, что опасенія его, дотолѣ упорно отгоняемая отъ мыслей, оправдались дѣйствительностью и что войска его разстроены, а за нимъ гонятся по пятамъ не одинаши казаки, но и вся русская армія.

Энергичное отступленіе непріятели началось уже тогда, когда отданъ былъ Наполеономъ пагубный приказъ итти къ Смоленску прежней, имъ же опустошенной мѣстностью по большой дорогѣ на Можайскъ, Гжатскъ и Вязьму. Единственнымъ средствомъ спасенія была возможная быстрота съ которой удалось бы пройти эту четырехсотверстную пустыню.

— „Непріятели бѣгутъ такъ, какъ никогда ни одна армія ретироваться не могла“, доносить Платовъ Кутузову.

А Наполеонъ все недоволенъ и, то дѣло отдаетъ приказы поспѣшать и распекаетъ за медленность.

Но какъ же было не останавливаться для отпора, когда арріергардъ Даву неустанно тревожили казаки Платова.

Они вплотную настигли его у Колочскаго монастыря, гдѣ маршалъ рассчитывалъ задержать нашъ натискъ, дабы дать отступающимъ выиграть разстояніе.

Но Платовъ герейски атаковалъ Даву, разстроилъ два батальона и даже отнялъ два знамя—первыя трофеи на Смоленской дорогѣ. Кромѣ того въ монастырской оградѣ найдено 27 брошенныхъ орудій по причинѣ изнуренія лошадей.

— Отъ Можайска до Колочскаго монастыря бросилъ непріятель болѣе 500 лошадей—доносить Платовъ.

Острымъ угломъ на перерезъ французской арміи двигался къ Гжатску Милорадовичъ, но французы шли такъ стремительно, что онъ не успѣлъ перехватить ихъ здѣсь.

Впереди, на разстояніи одного марша пути неся съ гвардіей самъ Наполеонъ, который за Гжатскомъ по случаю наступившихъ холодовъ, пересѣлъ въ карету и облекся въ темнозеленую бархатную шубу, которую такъ художественно увѣковѣчилъ Верещагинъ.

За нимъ слѣдовали Жюно и Понятовскій, наконецъ Вице-Король и Ней. Даву прикрывалъ ихъ всѣхъ своимъ арріергардомъ.

Погода рѣзко измѣнилась, теплые дни поздней осени, стоявшіе во время раздумчиваго пробыванія обѣихъ армій подъ Малоярославцемъ, сразу перешли въ крутые холода.

Опустошенную и покинутую жителями Вязьму достигъ Наполеонъ 19-го октяб., 20-го остался тамъ на дневку, и тотчасъ выступилъ далѣе къ Семлёву.

Не имѣя никакихъ точныхъ свѣдѣній, онъ смутно чувствовалъ однако, что Кутузовъ двигается параллельно ему съ юга. Настоятельно отрицая въ приказахъ своихъ всякую возможность предупрежденія его Кутузовымъ подъ Смоленскомъ, онъ тѣмъ не мѣнѣе, устрѣмился туда еще быстрѣе, съ одною своею гвардіею.

Кавалерія Милорадовича, съ Васильчиковымъ и Карфомъ во главѣ, въ тиши ночной подвигалась къ большому тракту и тутъ, съ вершины

Максимовской колокольни, они ясно увидѣли тотъ безпорядокъ въ какомъ отступала, или вѣрнѣе бѣжала непріятельская армія...

Растянувшись слишкомъ на 30 верстъ черной извивающейсѣ змѣей шествовала она торопливо, безпорядочно, стремясь обогнать другъ друга, тѣсняясь и создавая замѣшательство при каждой переправѣ по мостамъ и плотинамъ. Вокругъ нея колыхались мутные предразсвѣтные туманы и сквозь нихъ кое-гдѣ мелькали тускляя красноватыя точки еще не потушенныхъ фонарей, которыми бѣглецы освѣщали путь свой, покидая бивуаки задолго еще до разсвѣта.

Видѣли наши генералы какъ казаки Карпова почти безнаказанно выхватывали обозы изъ среды французскихъ корпусовъ и тутъ же порѣшили серьезно атаковать непріятеля.

Въ атаку прежде всего была пущена кавалерія въ лицѣ Ахтырскаго гусарскаго и Кіевскаго драгунскаго полковъ, предводимыхъ полковникомъ Эммануэлемъ, который клиномъ врѣзался между передовыми колоннами Даву и арріергардомъ Вице-Короля, отдѣливъ отъ послѣдняго, перебивъ и отчасти полонивъ бригаду генерала Нагеля.

Тогда къ дорогѣ подвинулись и прочіе кавалерійскіе полки и стали поджидать передовой Харьковскій драгунскій полкъ, предводимый полковникомъ Юзефовичемъ, который перебросился даже черезъ дорогу и за нею построился въ боевой порядокъ.

Къ сожалѣнію, пѣхотные полки, удаленные отъ мѣста начавшагося сраженія, не могли подоспѣть во время и Даву на этотъ разъ удалось

таки выкрутиться изъ своего незавиднаго положенія, тѣмъ болѣе, что ему на выручку обернулись отъ Вязьмы Вице-Король и Понятовскій и тотчасъ открыли батареи по 17 дивизіи Олсуфьева и 4-ой принца Евгенія, которыя тоже сюда подошли и стали поперекъ дороги. Они принуждены были удалиться, ибо враги смыкались, такъ что Харьковскій драгунскій полкъ явился отрѣзаннымъ.

Но тотъ проявилъ чудо храбрости — во весь опоръ проскакалъ между непріятельскихъ колоннъ и до того поразилъ ихъ своей неожиданной стремительностью, что тѣ цѣликомъ пропустили всѣхъ, не сдѣлавъ ни единого выстрѣла.

Когда Наполеонъ узналъ объ этомъ, негодованіе его на маршаловъ не имѣло границъ, и въ знаменитомъ своемъ приказѣ, отмѣненномъ однако послѣ окончательнаго выясненія Вяземскаго боя, въ приказѣ, гдѣ изложена подробная диспозиція войскъ, изъ коихъ Наполеонъ составилъ планъ засады за Славковымъ, намѣреваясь неожиданно ударить на Кутозова, т. к. былъ вполнѣ увѣренъ, что тотъ участвуетъ въ возгорѣвшемся бою, сказался еще прежній самонадѣнный стратегъ, не могущій даже и мысли допустить о пораженіи, а тѣмъ болѣе безъ прямого участія всей русской арміи,

Этотъ приказъ оканчивается слѣдующими словами:

— „Какъ могло статься, что не взяли въ плѣнъ непріятельскаго корпуса, отважившагося отрѣзать сообщеніе нашимъ войскамъ“.

Но какъ бы тамъ ни было—Даву все же явился отрѣзаннымъ, ибо тутъ же подошла пѣхота Милорадовича, ринулась... и отразила Вице-Короля.

Платовъ и Паскевичъ продолжали нападать на Даву съ тыла, а батареи Милорадовича осыпать его ядрами.

Даву принужденъ былъ бросить обозы, свернуть съ большака и лѣвымъ берегомъ рѣки Черногрязья, пробраться къ тылу Вице-Короля, гдѣ онъ и построился.

Было 10 часовъ утра и Вязьма вся была переполнена обозами, ранеными, отсталыми и безоруженными, ибо спѣшенные каваллеристы, получившіе еще въ Москвѣ пѣхотное вооруженіе, первые подали примѣръ неподчиненности и побросали все свое оружіе. Тѣмъ не менѣе весь этотъ тяжелый баласть тащился за арміей, не имѣя возможности ни на шагъ уклониться отъ нея, ибо по проселкамъ вездѣ ожидала вѣрная смерть отъ мѣстнаго населенія, которое вооружившись чѣмъ Богъ привелъ, беспощадно вымѣщало всю свою *великую скорбь и разореніе* на попадавшихся ему, даже и безоруженныхъ непріятеляхъ.

Задачей французскихъ маршаловъ являлось теперь по возможности задерживать натискъ русскихъ войскъ, чтобы дать время выбраться изъ Вязьмы всему обозу, или вѣрнѣе всей этой „обузѣ“, что они и порѣшили выполнять, схватившись на совѣщаніе.

Не успѣвъ отрѣзать непріятельскія войска отъ Вязьмы, при подавляющей численности по-

слѣднихъ, Милорадовичъ началъ однако упорно тѣснить ихъ къ городу.

Тутъ кстати подоспѣли партизаны Сеславинъ и Фигнеръ, а около полудня прибылъ еще графъ Уваровъ въ 2-мъ кирассирскими дивизіями, присланный Кутузовымъ, недавно освѣдомленнымъ о возгорѣвшемся сраженіи.

Рапортъ Милорадовича испрашивавшаго разрѣшеніе атаковать непріятеля и завѣрявшаго осторожнаго Кутузова, что опасности для русскихъ войскъ не предстоитъ, по несчастной случайности, въ торопяхъ не былъ вложенъ въ конвертъ и адъютантъ, гр. Коновницынъ получилъ его пустымъ.

Въ этомъ непредвиденномъ случаѣ, какъ справедливо указываетъ Михайловскій — Данилевскій въ своей исторіи Отечественной войны и кроется причина почему Кутузовъ, находясь въ 28 верстахъ отъ Вязьмы — въ Дубровинѣ не могъ во время поспѣть со своею арміею къ мѣсту сраженія и оно не имѣло тѣхъ послѣдствій, какія могло имѣть въ томъ случаѣ, еслибъ Кутузовъ былъ о немъ освѣдомленъ во время.

Короткій осеній день уже клонился къ вечеру и подоспѣвшій Уваровъ пренужденъ былъ остановиться въ дер. Кропивнѣ, т. к. мостъ черезъ топкую и обильную скрытыми ѡкнищами рѣку Улицу былъ сожжонъ маршаломъ Неемъ, державшимъ весь этотъ день свои войска въ резервѣ, дабы обезпечить отступленіе остальнымъ, и смѣнить въ арріергардѣ Даву, согласно распоряженію Наполеона.

Болѣ часа длилось съ обѣихъ сторонъ ожесточенная каннонада, но энергичный Милорадовичъ положилъ ей предѣлъ: сильнымъ натискомъ выбилъ непріятеля съ позиціи и вогналъ его въ городъ, а тамъ, не давъ ему времени опомниться и не взирая на сгущающійся сумракъ, велѣлъ дивизіямъ Чеглокова и Паскевича окончательно очистить городъ отъ непріятельскаго арріергарда, засѣвшаго въ развалинахъ домовъ.

Тутъ, въ русскихъ войскахъ произошло какое то замѣшательство, но партизанъ Сеславинъ съ безумной храбростью рванулся впередъ, махая бѣлымъ платкомъ, а за нимъ ринулись солдаты. тогда же Сесловинъ былъ тяжело раненъ, однако побѣда русскихъ была полная.

Бой Перновскаго полка въ г. Вязьмѣ 22 Октября 1812 года.

Шумнымъ, неудержимымъ потокомъ, съ развѣвающимися знаменами, съ музыкой и барабаннымъ боемъ, при громкихъ побѣдныхъ кликахъ, ворвались въ пылавшую Вязьму передовые полки Перновскій и Бѣлоозерскій.

Неприятель отстрѣливался изъ домовъ; то и дѣло въ пожарищѣ взрывались склады гранатъ, устроенные здѣсь французами... но ничто не могло остановить геройскаго натиска войскъ. Всѣ засѣвшіе въ домахъ были переколоты штыками, либо захвачены въ плѣнъ, въ томъ числѣ артиллерійскій генераль Пелетье.

Въ 7 часовъ вечера сраженіе затихло.

Потерялъ 4000 убитыми, 2000 плѣнными, 3 орудія, 2 знамени и огромное количество обоза, подъ защитою ночной темноты, продолжали французы свое спѣшное отступленіе, причемъ успѣли однако сжечь за собою мостъ на рѣкѣ Вязьмѣ.

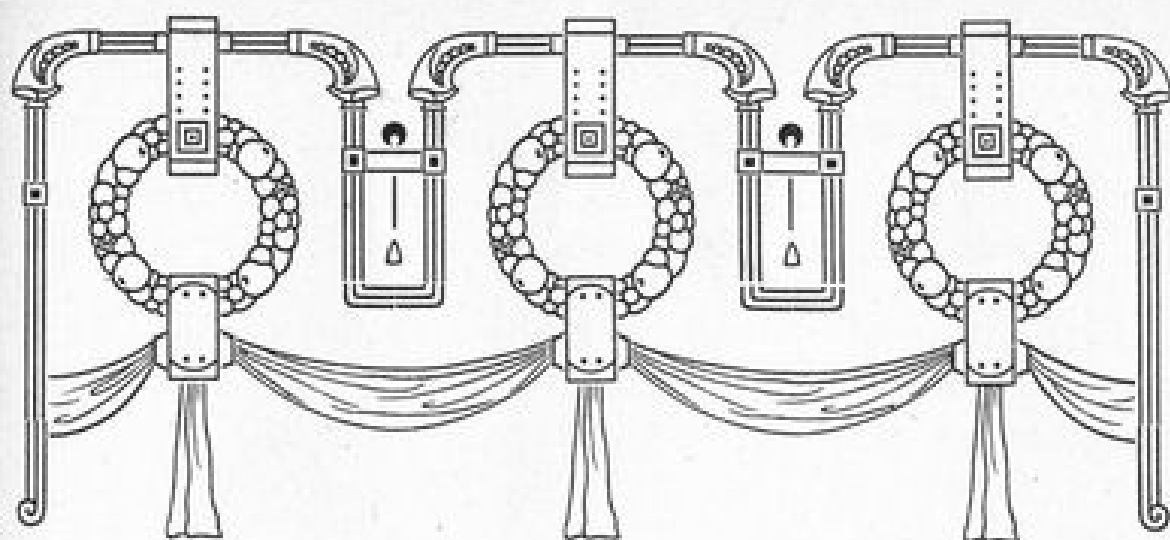
Маршалы были увѣрены, что самъ Кутузовъ со всею арміею преслѣдуетъ ихъ по пятамъ, чтобы отрѣзать имъ путь на Дорогобужъ и только отсутствіе проводниковъ и невозможность безъ нихъ перебраться черезъ непроходимыя бѣльскія болота, принудили ихъ оставить мысль итти этимъ путемъ прямо къ Витебску.

Съ этого момента стремительное отступленіе „Великой арміи“ явно уже обращается въ паническое бѣгство.

Вотъ почему малопопулярный бой подъ Вязьмой является въ дѣйствительности весьма и весьма знаменательнымъ въ исторіи Отечественной войны, ибо предъидущія столкновенія, не только при Бородинѣ—этой великой битвѣ на-

родовъ—гдѣ перевѣсъ не склонился ни къ одной сторонѣ, но даже при послѣдующихъ сраженіяхъ при Тарутинѣ и Малоярославцѣ, какъ уже было упомянуто, бой шолъ съ переменнымъ успѣхомъ—Малояровлавецъ напримѣръ, шесть разъ переходилъ изъ рукъ въ руки—при полномъ порядкѣ всѣхъ передвиженій, и только *бой подѣ Вязьмой* долженъ быть безпорно названъ *первой и блестящей побѣдой надъ врагомъ, тѣмъ рѣзкимъ рубежомъ* когда долготѣнній успѣхъ измѣнилъ Наполеону и явно склонился на сторону Россіи и ея Державнаго Вождя.

V.

Изъ записокъ участника Вяземскаго разоренія.

Со времени основанія „Вяземскаго Комитета по чествованію 100 лѣтней годовщины Отечественной Войны“ 2-го марта 1911 г. въ него стали поступать различныя рукописи и документы по 1812-му году.

Между прочимъ, у одной старушки оказались двѣ, сшитыя въ четверку тетради изъ старинной сѣровой рубчатой бумаги, исписанныя весьма несформированнымъ почеркомъ со множествомъ орфографическихъ ошибокъ описокъ и пропусковъ. Содержаніе обѣихъ тетрадей тождественное, съ небольшими добавленіями и разночтеніями.

Это записки очевидца и участника бѣдствій, причиненныхъ нашествіемъ Наполеона городу Вязьмѣ, писанныя, какъ видно изъ самой повѣ-

сти, сыномъ мѣстнаго мѣщанина, мѣдника по профессіи, Петромъ Ефимовымъ Букинымъ, очень еще молодымъ человѣкомъ.

Въ нихъ, помимо подробнаго описанія бѣгства Вязмичей, встрѣчается много лирическихъ отступленій и религіозныхъ размышленій. Носятъ онъ названіе: (въ заглавіи на образецъ сохраненна ороографія).

„Повесть, когда мы выѣхали изъ города Вязмымъ отъ нашествія непретеля“, 1812-го года.

Писана повѣсть съ полной надеждой, что когда либо она найдетъ своего читателя и заинтересуетъ его.

„Вотъ, читателю, я писалъ не рассказы или сплетни, я самъ въ этомъ не послѣдній страдалецъ былъ... можетъ кто скажетъ нечего ему дѣлать было, что про то говорить что прошло. Растянуль какъ долго, скучно и слушать. Вы меня извините, время мнѣ было свободное, дѣлать нечего, я вздумалъ забавиться; очень былъ радъ, давно хотѣлъ списать, все время не позволяло, жалѣю, что много кой чего запомятовалъ. Но довольно и этого; слава Богу въ здоровомъ разсудкѣ пришлось написать кому нибудь для любопытства“.

„Это было наканунѣ праздника Успенья Божьей Матери 14-го числа Августа послѣ полудни (выѣхали) по Колужской проселочной дорогѣ на дер. Шимоново, остановились на нѣчлегъ въ Угреновомъ лѣсу; стали разводить огонь, въ котлахъ, кушанье варить. Ночевали благополучно.

„Намъ было весело потому что находилось 8 семей; Тимоновы, Тереховы, Горезины; *) еще Колеза (?) Просковья Ивановна; Чамовыхъ 3 семейства: Яковъ, Владиміръ, Козьма; еще наше семейство Букина въ 4-хъ душахъ: мать наша и дѣти.—Отцу нашему не пришлось съ нами ѣхать: онъ остался дома для сбереженія имущества, а т. к. на завтра, на Успеніе начали уже неволію выгонять, отецъ нашъ поѣхалъ по Сычевской дорогѣ съ братомъ и его семействомъ. Это было къ нашему прискорбію, ибо онъ намъ великій помощникъ былъ, потому что мастерствомъ мѣдникъ: могъ бы копѣйку достать по господамъ или гдѣ нибудь. Но видно, такъ ндо быть что намъ надо страдать другъ объ другѣ. И такъ намъ (отъ него) извѣстья долго не было.

„Вотъ, когда переночевали собрались разговляться, что у кого было изъ дома взято изъ дичи, мясное и проч. Съ нами взяты коровы; у кого свиньи, куры, мука пшеничная, сколько могли лошади свезть, а то все въ домахъ осталось... Погода во все время была хорошая.

„Вотъ мы только что хотѣли ѣхать, какъ пошли казенные обозы, фуры и разныя клади. На одномъ возу сидѣла обезьяна.. намъ нельзя было ѣхать по причинѣ узкой дороги въ лѣсу, такъ мы долго ждали. Такой длинный обозъ и конца не дождались. Намъ солдаты говорятъ: „поѣзжайте съ нами, такъ сохранны будете“. Какъ вышелъ промежутокъ, мы и помѣстились. Ёхали мы до самага ночлегу 30 верстъ отъ Вязь-

*) Большинство фамилій и по сіе время живутъ въ Вязьмѣ.

мы. Рясположились на лугу. Мѣсто хорошее: съ двухъ сторонъ горами заслонено и продовольствіе для скота нашего.

„Вотъ мы расклали огни, стали готовить ужинъ, варить похлебки въ котлахъ. Здѣсь намъ было очень весело.

Какъ настала ночь, къ сожаленью нашему какъ появилась (надъ) Вязьмой огненная большая заря; всю ночь увеличивалась. Это было на праздникъ Успенья вечеромъ. На завтра очень рано началась пушечная пальба и (продолжалась) весь день. Это было 16-го Августа. „Такъ мы здѣсь не упомяну сколько дней (пробыли) потомъ поѣхали дальше. Проѣзжали деревню. Мужики насъ бранили, что мы дома побросали.

„Съ нами была отличная собака. Какъ она съ ихними собаками слизалась, какъ бросилъ пикку (солдаты)? прямо ей въ бокъ. И такъ жалко: оставили ее живую.

„Прямой дороги не было, а гдѣ удобное мѣсто для корму скота останавливались, больше въ лѣсахъ. Случалось часто разные грибы брать, иногда апенки и готовили себѣ кушанье. Немало мы удивлялись: ржаной хлѣбъ и похлебка какъ бы сготовлены худо не были—все обращалось въ такую сладость, что мы сытости не знали.

„Останавливались мы гдѣ и какъ прійдется: день два и недѣлю. Такъ намъ было хорошо и весело; погода почти все время хорошая и теплая. И только страшились, какъ бы непріятель не захватилъ. Тогда случалось что они нападали на таковыхъ: (бѣглецовъ) разграбятъ и лошадей уведутъ, оставятъ не причемъ. У насъ были

разъѣзжики верхомъ на лошадяхъ, узнавать гдѣ непріатели и ежели близко, то мы дальше уѣзжали разными дорогами.

„Остановились мы въ большомъ лѣсу ночевать, расклали огни готовить кушанья и зажгли здѣсь большую ель. Какъ она загорѣлась вся съ низу и до макушки, страшно смотрѣть! Еще потомъ на завтра Горезина Василя Петровича работникъ въ лѣсу заблудилъ, такъ долго, едва вызвали его крикомъ.

„Поѣхали мы на Малый Ярославецъ. Не доѣзжая города большой лѣсъ. Остановились здѣсь. Забавлялись—орѣхи рвали, потому что орѣшнику много. Здѣсь по близости селеній хорошая фабрика. Подавали намъ бѣлыя хлѣбы; однако все больше богатые принимали, а намъ, бѣднымъ, едва что доставалось. Потомъ поѣхали сквозь городъ, не останавливаясь, потомъ на село Недѣлено. Оно стояло 200 верстъ отъ Вязьмы между Москвой и Калугой. Здѣсь уже по квартирамъ стали по причинѣ холода.

„Простояли не помню сколько времени. Тутъ намъ слухъ пришелъ, что французовъ изъ Москвы выгнали. Слава Богу! Весьма насъ обрадовало. Здѣсь намъ хорошо было. Грузды какіе ѣли отличные соленые; намъ довали хозяева.

„Вотъ мы стали помышлять, какъ-бы ѣхать ближе къ Вязьмѣ, не взирая на то, что, говорятъ Вязьма вся сожжена.

„Богатыя семейства поѣхали дальше, а мы собрались 4 семейства, бѣдныхъ Чамовыхъ имы съ ними, ѣхать, благословясь, къ Вязьмѣ. И такъ намъ путь сей трудень и прискорбенъ (былъ)

по причинѣ холоду, морозу и малолѣтнихъ дѣтей и грудного младенца, и я, Петръ, весьма нездоровъ. Суммы у насъ остается мало (и) чтобы не пришлось по міру ходить или всего лишиться и меня и лошадей, съ Божьей помощью (рѣшили) ѣхать однако не взирая ни на что, хотя умереть только на своей милой сторонѣ. На симъ пути до Вязьмы какія насъ ожидали бѣдствія: весьма свирѣпая болѣзнь и водяной страхъ и большія задержки, какъ будетъ сказано.

„Вотъ мы продолжали путь до самой деревни Дербыши близъ Фатова завода. Семейство наше находилось въ семи душахъ:—Букина въ четырехъ (переименовываетъ всѣхъ) еще зять нашъ Владиміръ Чамовъ, жена его Матрена, дитя ихъ Александра, питающаяся матернимъ млеко́мъ. Онъ, Владиміръ Чамовъ былъ нашимъ распорядителемъ. Всѣ мы въ этой деревнѣ расположились. Хозяева хорошіе, изба теплая; помѣстили насъ съ собой вмѣстѣ. Намъ здѣсь было очень хорошо. Пекли мякотники съ коноплями, миндру парили. Кочерыжки капустныя у нихъ такіа завидныя!

„Втеченіе этого времени вздумалось нашему отцу въ городѣ Сычевкахъ отыскать наше семейство. Онъ зналъ, что мы поѣхали по Калужской дорогѣ (и что) дорога Московская отъ непріятеля очищена. И такъ отправился насъ искать проселками черезъ Московскую дорогу. Шелъ онъ въ бѣдномъ положеніи, потому что у брата жилъ и работалъ изъ за одного хлѣба. Денегъ не было и хлѣба, кое какъ кормился. Случилось ему у господина самоваръ починить:

ручка текла. Но какъ у него матеріалу не было такъ слесарь давалъ голову на плаху барину отсѣчь, говорить, ежели онъ безъ нашатырю запояетъ. Но отецъ мой зналъ и безъ нашатырю поять. Потребовалъ у барина олова и смолы. Когда онъ запоялъ и показалъ своему слесарю и какъ онъ его осрамилъ. Баринъ же остался благодаренъ; далъ ему денегъ и хлѣба на дорогу, съ которымъ и насъ отыскалъ.

„И вотъ мы находились въ семъ домѣ. Вдругъ отворяетъ дверь избы, я какъ глянулъ—одѣвши какъ мужикъ, походить на отца нашего, взошелъ въ избу, молится Богу и говорить-- „здравствуйте дѣтушки мои“. Мы изумились, потомъ бросились къ нему съ крикомъ:— „Батюшка нашъ любезный! На яву ли тебя видимъ или привиденье? Скажи намъ любезный батюшка, что мы такое странное видимъ? Скажи отецъ нашъ родной какъ тебя Богъ послалъ къ намъ горестнымъ? Мы не думали на семъ свѣтѣ видѣться съ тобой въ живыхъ. Удивилъ Господь, воистину удивилъ!“

„Мы не плакали, а просто обливались слезами, на долгое время едва могли успокоиться.

„Вотъ, читателю, можетъ ты скажешь, что такое за важное. Нѣтъ! Еслибъ ты видѣлъ, то бы вѣрно сказалъ—этого недостаточно.

„Что же послѣдовало съ нами? Скоро обратилась наша радость въ великую печаль. Я былъ нездоровъ почти за двѣ недѣли нашего выѣзда изъ Вязьмы и здѣсь я слабъ находился. Тутъ другой заболѣлъ. Хозяева забоялись нашей болѣзни, отвели намъ избу прежде ихъ жилую,

вѣтхую и мрачную (въ) одно окошко, волковая, на которомъ поставленъ малой образокъ Нила преподобнаго, на немъ же изображенъ и Спаситель на облакахъ. Онъ съ нами во все время находился путеводителемъ и осталось у насъ одна надежда на угодника Христова Нила, что мы на него взирали и колѣна преклоняли, чтобы онъ донесъ нашу страждующихъ молитву Господу Богу. И такъ онъ былъ намъ врачъ душевный и телѣсный. Онъ былъ великій помощникъ и избавитель ото всѣхъ бѣдъ, кои будутъ сказаны.

„А наши товарищи, два семейства, поѣхали по домамъ, а мы остались одни. Горько, горько намъ стало. Кажется полетѣли бы мы за ними, но крылья у насъ связаны болѣзною. И такъ расположились мы въ этой избѣ.

„Я не знаю, чему уподобить это наше жилище: темница или загонъ для скота.

Подробному описанью болѣзни, кот. авторъ называетъ лихорадкой, отведено довольно много мѣста, а также угнетенному состоянію духа всей семьи, тѣмъ болѣе, что мать родила и некому было даже хлѣбовъ спечь, а надо было и лошадей кормить и дровъ нарубить. Отъ грязи и „долгаго въ банѣ немытья“, какъ выражается Букинъ, на нихъ навалились насѣкомыя.

„Постороннія боялись нашей болѣзни и приблизиться; однако не могли избѣгнуть и скоро по всей деревнѣ распространилась, какъ бы и точно отъ насъ заразились. И болѣзнь, и нужда, скука, печаль и чужая сторона. Намъ показалось очень далеко находились (мы) отъ своей милой стороны...

„Пища у насъ была очень скудная. Пришлось у слѣпыхъ старцевъ кусочки покупать.... Здѣсь было чудо какъ они намъ въ такую сладость и пріятность обратились поминутно бы ѣли и сами собой удивлялись“.

„Вотъ послѣ сна послалъ намъ Господь свое милосердье. Отчаянные наши больные поправляться стали (да); помышлять о своей сторонѣ.“

„Господи! Когда ты избавишь насъ отъ сей гибельной, и мрачной судьбы! Такъ (она) намъ наскучила! Хотя бы сколько нибудь отъѣхать, только бы избавиться отъ сего жилища. Отъ одной скуки сдѣлаешься нездоровъ.“

„Вотъ мы говоримъ:— „Покуда намъ здѣсь страдать, если ждать всѣмъ выздоровленья настоящаго Богъ знаетъ когда оно будетъ. Поѣдимте какъ нибудь по маленьку. „Погода потеплѣла, снѣгъ взялся водою. Боимся (только) пустять ли гдѣ ночевать съ больными.“

„Однако рѣшились ѣхать на волю Божью. Которые не могли итти—на возахъ сидѣли. Приѣхали мы ночевать въ деревню Шумихино. Пустили ночевать, „непогребовали“ (не побрезгали) нашихъ больныхъ съ собою помѣстили. У нихъ двѣ избы теплыя. Хозяева хорошіе. Они занимались плетеньемъ лаптей, а женщины—пряжей. И мы здѣсь прожили съ недѣлю какъ бы дома, и слухи были изъ Вязьмы что дѣится (тамъ). Такъ намъ было весело и хорошо. Будто бы и болѣзнямъ легче стало. Вотъ мы обогрѣлись, осмотрѣлись за собой, а то были какъ оглушенные.“

„Вотъ мы отсюда поѣхали поближе ко двору до Марѣиной горы. Тутъ надо Угру переѣз-

жать. Перевозу не было, рѣка была замерзши; ледъ тонкій и сдѣлалась большая оттепель, такъ (что) по берегамъ вода (а) середина къ верху поднялась съ большими трещинами. Устрашенныхъ заставила насъ думать: одна бѣда не прошла, а тутъ другая встрѣла отчаянная—живыми быть или умереть. Что дѣлать? — Назадъ ѣхать не приходится, а рѣка страшитъ смертью. а переѣзжать надо, миновать нельзя. День къ вечеру (клонился). Тогда мало было ѣзды, а хотя и ѣздили на лодкахъ, да и то не въ это время. Это было отчаянность, что Богъ дастъ. Принуждена наша мать съ повозки слезть, а двое дѣтей на повозкахъ пустили лошадей по отдали однихъ съ повозками. А сами мы порознь шли въ отдаленности отъ лошадей, дабы легче было льду.

„И такъ какъ затрещаль ледъ, тутъ мы отъ страху сдѣлались безчувственны. Какъ мы пристали къ другому берегу, казалось намъ какъ въ сонномъ видѣньѣ. Какъ мы благодарили всемогущаго Бога, что насъ безъ вреда сохранилъ (отъ) сей опасности ужасъ былъ на мысляхъ. Сохрани Боже (если) что случится! Безъ смерти смерть. Некому защитить: отъ жилья далече, никого нигдѣ не было. Сами мы какъ пьяные: какъ бы кто не упалъ. Вотъ какъ намъ пришлось страдать!“.

Затѣмъ авторъ сравниваетъ свои страданья съ „исторіей праотцевъ“ и въ особенности Іова, исторію коего приводитъ вкратцѣ и по этому поводу высказываетъ цѣлый рядъ благочестивыхъ размышленій.

„Прошу не гнѣваться: я еще не кончилъ. Надо ѣхать къ Вязьмѣ. Вотъ здѣсь переночевали благополучно, на завтра отправились.

„Встрѣчались (намъ) на дорогѣ таборы французскіе или шалаши соломой покрытые. Около нихъ находилось много сноповъ немолоченныхъ разнаго хлѣба, тогда рожь и яровые мѣстами не сжаты (были), а это пожалуй (хозяинъ) да не успѣлъ сноповъ убрать. (Мы) кормили лошадей этими снопами.

„Вотъ мы пріѣхали ночевать въ деревню Быково: тутъ покойникъ. Заставили меня псалтырь читать. Я кое какъ путалъ, хорошенько не зналъ, однако остались довольны. Вотъ здѣсь для помину пироги арженые пекли; намъ это было диковенно: по вяземскому пироги дѣланы

„На завтра поѣхали. Встрѣчается намъ Алексѣй Демьяновъ Зуевъ верхомъ на лошади. Спросили его о домахъ уцѣлѣвшихъ. Онъ сказалъ: Михаила Борюлина домъ цѣлъ, слава Бугу. Потомъ поѣхали. Лежатъ всторонѣ дороги два человѣка; нагой воинъ лежитъ крестообразно, тѣломъ полный, чистый, росту большого, глаза птицами выдолблены, а другой курцемъ (скорчившись) лежитъ.

„Подѣзжаемъ къ заставѣ—лежатъ два человѣка тѣломъ потемнѣлы, животы весьма упавши отъ долгого лежанья.

„Пріѣхали въ городъ, поворотили къ Введенью на большую дорогу для посмотрѣнья своего дома. Странно было смотрѣть вся дорога большая отъ Московской заставы и до Смоленской выжжена. На ней дорогѣ осталось три

двора цѣлыхъ: нашего попа Никитскаго, еще серебрянника Елисея Кондратьева, еще Егора Иванова Кузнецова.

„Вотъ мы остановились посмотрѣть, (на свой домъ) однѣ каменные стѣны. Сидить (тутъ) наша собака, такая гладкая и (мы) говорили ей: „Сѣрко“, „Серко“. Она (и) признала и чуждается.

„Такъ поѣхали сквозь рынокъ. Лавокъ уже много построили подвижныхъ и всякимъ товаромъ торгуютъ, особливо виномъ: длинный рядъ столиковъ и у каждой торговли мѣра—стаканъ. А все торгуютъ бабы (да) дѣвки и каждая изъ нихъ жадничевала (жадничала) продажею; а какъ покупатели какъ пчелы около ульевъ всегда откушивали которое лучше, (то) всякая заветъ къ себѣ—говорить: „пойдика, покушай, каково вино“. Другой такъ натянется (напьется) любо глядѣть, такъ таки и поѣдетъ.

„А краснымъ товаромъ торговали и совошнымъ (деревян. издѣлья) и хлѣбныя лавки были (сдѣланы) кое какъ, подвижныя.

„Вотъ пріѣхали (мы) къ Михаилу Бирюлину въ домъ, онъ былъ нашему отцу своякъ, а у него въ домѣ и Чеканниковыхъ семейство живетъ. намъ онъ отвелъ баню свои и (мы) расположились въ ней своимъ семействомъ въ пяти душахъ, а зять нашъ Владиміръ Чамовъ у своихъ родныхъ. И такъ намъ хорошо было, тутъ находился и братъ матушкинъ Тока Чеканниковъ съ семействомъ. Такъ мы рады, что намъ жить въ тепломъ мѣстѣ (и) печенье у насъ было на каменкѣ (банная печка) баранки и прочее, слава Богу хорошо было зимовать.

„Послѣ сего, посмотримъ, мы (этого) и не думали, что въ Вязьмѣ болѣзнь; а ее тутъ самое это гнѣздо. Такъ валило народъ, что не носили, а возили на погостъ. Я, самъ видѣлъ—везутъ мертвого на дровняхъ—вотъ что было ужасъ смотрѣть.

„Потребовали нашего отца на работу для починки винныхъ котловъ къ Подушкину и Воронцовымъ. Тамъ промедлилъ (онъ) мѣсяца два и слуху не было, заставилъ насъ думать живъ ли онъ? Однако дождались, слава Богу. Привезъ намъ мѣди пуда три хорошей, красной—вотъ мы и стали поправляться купили амбарчикъ для жилья и поставили на своемъ мѣстѣ; перегородили на двое амбарчикъ на жилье; склади банную печку и лежанку для печенья хлѣбовъ или чегонибудь съѣстного. Хотя было и тѣсненько, да покойно и на своемъ родномъ мѣстѣ. Мы у Бирюлина только одну зиму зимовали, а на другую переѣхали въ свою баньку, слава Богу, живы, здоровы.

„Вотъ (въ) эту бытность у Микитѣя (Никиты) освятили храмъ трапезный, а лѣтній храмъ сгорѣлъ. Весьма чудно какъ уцѣлѣла трапезная церковь. Я самъ видѣлъ: по сторонамъ арки очень обгорѣли, иконостасъ (и) нѣкоторые образы погорѣли, а храмъ цѣлъ. Еще же исто (истинно) немалое чудо какъ уцѣлѣлъ Никиты мученика рѣзной образъ. Гдѣ онъ находился, въ кивотѣ, привязаны были лошади французами къ желѣзу и (онѣ) порядочно кивотъ обглодали, а до угодника не коснулись.

„Еще скажу исторію: много-ль осталось *) (домовъ). Сказываютъ съ небольшимъ 500, а мнѣ кажется больше—вѣрно не знаю. А только знаю, что въ Благовѣщенскомъ приходѣ много домовъ, въ Троицкомъ, въ Введенскомъ и въ Подболотскомъ. А изъ церквей сгорѣли пять: соборная вся сгорѣла, Фроловская лѣтняя и колокольная сгорѣла и колокола два упали и разбились, Богородицкая одна лѣтняя сгорѣла; Духовская верхняя Димитрія Ростовскаго, колокольная и часы сгорѣли, а лѣтняя и зимняя цѣлы, и колоколъ упалъ и разбился; Никитская одна лѣтняя (сгорѣла) а на куполѣ крыша и образъ (съ) серебряной ризой въ которомъ были мощи Никиты мученика подъ крышей спрятаны сгорѣли.

„Я не знаю, какъ для прочихъ, тогда многіе удивлялись, такъ и теперь, особливо для меня весьма любопытно: сей образъ Никиты мученика, какъ мы теперь видимъ весьма показывается страннымъ, оттого, что онъ рѣзной и темный видъ показываетъ отъ многихъ лѣтъ. И такъ, когда для насъ (онъ) страненъ, такъ кольме паче для чужаго народа и разнаго языка. Сей образъ посреди ихъ находился. Сколько сотъ тысячъ проходило иноплеменнаго (народа, но) онъ вреда не получилъ.

Скажите, пожалуйста, можетъ кто сказать они христіане, тоже боятся Бога, но я на это скажу почему не боятся Бога храмы Божьи жечь, образа Божьи колоть, да на огонь класть? Еще почему не боялись въ Москвѣ святыя мощи безпоконтъ?

*) Очевидно сгорѣло.

„У Пятницы въ церкви верхній Спасителевъ образъ былъ свалившись на полъ. Я самъ видѣлъ язву: ударенъ саблей, тесакомъ или чѣмъ (инымъ) повыше носа, такъ дерево и выкололъ щепкой. И теперь этотъ образъ цѣлъ, вверху стоитъ въ иконостасѣ гдѣ прежде стоялъ и видно какъ приклеена эта щепка и понынѣ.

„Я сказалъ, что самъ видѣлъ и слышалъ: весьма много дѣлали зла святымъ иконамъ“.

Тутъ идетъ пространное отступленіе, посвященное рѣзному образу Никиты мученика и его исторіи. *) отсюда повѣсть вообще теряетъ свою послѣдовательность и состоитъ изъ ряда малосвязанныхъ фактовъ.

„Въ цѣлыхъ домахъ находилась Благовѣщанская сторона, Троицкая, Введенская, Воскресенская. Оставались и еще кое гдѣ не сгорѣвшіе (дома), а то всѣ сгорѣли.

„Случалось мнѣ видѣть, которые прятали сундуки съ одежей въ землю. И такъ пріѣхавши

*) Еще отецъ мой рассказывалъ когда повеленіе было, что-бы нигдѣ не были рѣзные образа и такъ все попрятали. У насъ было у Микиты (Никиты) четыре апостола рѣзныхъ въ ростъ человѣка. За иконостасомъ стояли. И такъ все попрятали. Коснулося до Микиты мученика дѣло. Его не прятали. Дошло до Архирей. Пріѣхалъ самъ, посмотрѣлъ, посмотрѣлъ на него, только сказалъ: „Не мною поставленъ, не мною пусть будетъ и спрятанъ“. Послѣ этого черезъ долгое время поступилъ другой архирей посмотрѣлъ, посмотрѣлъ, благословилъ десницею—ничего не сказалъ и послѣ, какъ новый архирей поступилъ, каждый пристально смотритъ на сей образъ. А первый архирей, когда были запрещены нарѣзные (рѣзные) образа только запретилъ (его) носить по домамъ города, чтобы не трогать его съ мѣста. До этого сначала образа по всему городу носили, кто пожелаетъ. Вотъ когда въ Вязьмѣ въ послѣднюю холеру кругомъ города со всѣми храмовыми съ образами и херухими (хоругвями) хедили и съ причтомъ, такъ приходскіе, не спросясь у священника, взяли его (Никиту) съ мѣста и понесли въ соборъ. Съ тѣхъ поръ опять стали носить.

разрывали хозяева эти ямы, которыя (были) полны воды и тоскали эту одежду какъ изъ зольника(?).

„Тогда много оставалось въ городѣ непріятелей. Малодеры (мародеры) чужія похоронки отыскивали. Нѣкоторые хлѣбъ приставляли французамъ, весьма обогатились.

„Только скоро пріѣхали хозяева, разобрали который узнавалъ свое мѣдную и оловянную посуду, желѣзо разное и проч. Тутъ было то хотя и не его—вещи всѣ побрали и эти мародеры на свѣтѣ не много прожили, въ бѣдности померли.

„Тогда сильная была зараза на народъ отъ мертвыхъ тѣлъ. Много лежало въ городѣ и по полямъ. Такъ народъ умиралъ, что ужасно смотрѣть.

„Вздумалось (мнѣ) еще прибавить какъ до разоренья было.

Слухъ давно носился, что французъ пойдетъ въ Россію. Хотя и скрытно, примѣтно было наборъ частей и большая была въ народѣ скука такая напала, у всѣхъ руки опустились какъ бы отчаянье. Всѣ дѣла наши изъ рукъ валились. Потомъ года за два на сады напалъ червь, такъ не то что листья, но и бѣжечки (побѣги) молоденькія поѣли, завелись гнѣзда на деревьяхъ по большому крупному овсу, въ другомъ фунтовъ пять. Деревя эта всѣ бѣлые отянуты какъ миткалемъ сей паутиной. Какъ поѣли все, поползли по домамъ, ужась! (Ужасно) Потомъ пропали—нечего (было) ѣсть. Сады къ осени опять стали разцвѣтать; нѣкоторые (какъ) цвѣли такъ и захватила стужа и все пропало.

„Потомъ незадолго (до) француза появилась звѣзда съ хвостомъ и такъ все страшило народъ. Сходились толпами: только и разговоровъ что про француза.

„Нѣкоторые говорили спроста: родился это антихристъ идетъ.

„За мѣсяцъ этого (очевидно Вяземскаго разоренья) Смоленскіе и Дорогобужскіе жители обозами стали ѣхать по Московской дорогѣ и такъ насъ страшили очень.

„Потомъ за недѣлю раненыхъ привезли. Вся площадь Ильинская была укладена. (Уложена ими).

„Я самъ видѣлъ какой стонъ былъ, ужасъ! А потомъ ночевали. На утро повезли на подводахъ мимо нашего двора. Иной кричить: «предайте (меня) смерти!» я видѣлъ одинъ сидитъ кричить: нога у него какъ обернушка (бревнушка) синяя.

„Еще рассказы кто пришелъ раньше въ городъ Вязьму, когда пришелъ спустя недѣлю (послѣ) непріятеля, рассказывалъ намъ какъ побитый народъ лежалъ на полѣ, ужасно много, а все нагіе, похоже издали какъ кочки. Пришелъ въ Вязьму: каждый домъ полнъ французовъ. Понастлана солома. (На ней) находились раненые, больные и мертвые.

„Какъ пріѣхало правительство, начали очищать дома, мертвыхъ и живыхъ таскать. И возили ихъ какъ дрова къ Заказу *) Вязьмы. Когда ихъ закопали долго земля такъ и подымается. И на поляхъ которые были всѣхъ прибрали, а нѣкоторыхъ жгли.

*) Городской лѣсъ по дор. къ Москвѣ.

„Я самъ много слышалъ: въ господскихъ домахъ и въ деревняхъ также ихъ (французовъ) закапывали; иныхъ, убивши бросали, иныхъ въ колодезь, иныхъ въ прорубь—много и такъ дѣлали; загонятъ ихъ на мужицкій дворъ, обкладуть соломой, такъ и зажгутъ, иныхъ въ амбаръ или въ какое строенье.

„Ужасно французы много пострадали, особливо какъ онъ (очевидно Наполеонъ) въ Москвѣ находился. Куда не пошлютъ отрядъ за хлѣбомъ, такъ ихъ захватывали не то что казаки, но и мужики вооруженные: у кого ружья, съ косами и съ прочимъ. Сычевскіе граждане много ихъ побили. Они ѣздили отрядами на лошадяхъ (и) когда по себѣ (т. е. по своимъ силамъ) видятъ, то ихъ не то что мужики, но и бабы много убивали: пошлютъ подъ полъ за хлѣбомъ, такъ его (забьютъ) топоромъ, или по головѣ (половницей).

„Они (французы) такіе были расторопы (очевидно недотепы) прійдутъ въ господскій домъ, ружья поставятъ въ козлы, а сами пойдутъ шарить. Тутъ у нихъ ружья съимутъ и ихъ побьютъ.

„Такъ нашъ народъ остервенился, что ни съ однимъ скотомъ такъ не поступали. Вотъ мученики то эти французскіе воины!

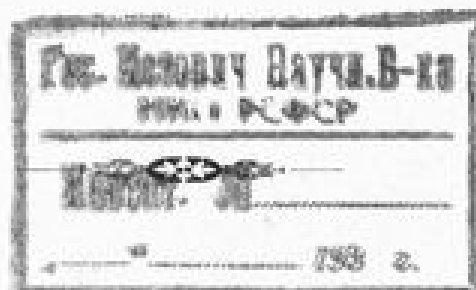
„Еще что случилось: пріѣхали французы въ господскій домъ и захватили тутъ разнаго продовольствія; расположились обѣдъ готовить. Нажарили гусей, куръ и масла много было коровьяго и прочего. Когда же они кушали, случилось имъ спросить мужика: «гдѣ Козаки?». А онъ сказалъ

нарочно: «А вотъ недалече». Какъ они бросились всѣ на уходъ, а весь ихъ обѣдъ остался!

„Еще случилось, свой своего убилъ. Изъ господскаго (дома) солдатъ несъ вещи и въ рукахъ (у него) находился сундучекъ очень нарядный. Другой солдатъ увидѣлъ. подумалъ какія дорогія вещи или деньги, взялъ ему голову отрубилъ. Послѣ посмотрѣлъ (въ сундучекъ) а тамъ карты.

„Какъ бывало ни сойдутся въ компаніи или гдѣ нибудь—(все) толки и разговоры бывали гдѣ кто былъ и что слышалъ.

„А теперь все умолкло и со временемъ всѣмъ забудутъ.....

- 1) Изданіе автора Е. Н. Клетновой.
 - 2) Оригиналъ фотограф. автора Е. Н. Клетновой.
 - 3) Печатано въ Смоленской Губерн. Типографіи.
 - 4) Завѣдующій типографіей Алексѣй Никитичъ Петрушинъ.
 - 5) Клише работы фот. Д. М. Гусева, Москва.
 - 6) Бумага тов. Кувшинова, Москва.
-

Того-же автора.

- Князь Игорь (Юрій Сѣверцевъ)
музыкальная монографія оп.
А. П. Борозина 2-е изд. . . . цѣна 40 к.
- Любителямъ родной страны и
старины цѣна 8 „
- Мерянское погребенье при дер.
Хожаево Вяземскаго уѣз. . . . цѣна 20 „

*Выписывающіе отъ автора (им. Кочетово
Вяземскаго у.) за пересылку не платятъ.
Стоимость можно высылать марками.*
